

УЛЬЯНА МА

ЕДЬНИК

НЕВЕСТА СОДНЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Ма

Ельник: невеста солнца

«Автор»

2026

Ма У.

Ельник: невеста солнца / У. Ма — «Автор», 2026

После похищения княжна Еловой крепости Мара оказывается в раскалённом Хрисоше – чужой крепости под палящим оком солнечного бога, где пески пьют кровь, а князь встречает ее пугающей нежностью. Потерявшая возлюбленного, она хранит в себе тёмный дар Всеживы, который несет не только жизнь. В душных покоях, среди змей и львов, Мара учится дышать ядом, улыбаться сквозь ненависть и ждать. Ждать того, кто однажды уже умер за неё. Ждать, пока ельник не позовёт её сквозь жар, безумие и пески домой.

© Ма У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Куда уходят нефилимы	5
2. Плата	10
3.Енох	16
4. Кормление тигров	24
5. Закон пустыни	34
6. Омовение солнцем	42
7. Краснокаменный сад	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ульяна Ма

Ельник: невеста солнца

1. Куда уходят нефилимы

Мара стояла перед прочно закрытым деревянными ставнями окном, как будто глядела на улицу, не видя перед собой ничего кроме полумрака комнаты. Там наверняка уже вовсю трещал сумеречный лес, ночной ветер омывал колыхающиеся травы. Замок, повешенный на ставни, насмешливо глядел на нее скважиной. Такая же скважина, черная, пустая, находилась в двери. На самой двери виднелись свежие тоненькие борозды, толстые вверху и сужающиеся к низу. Из-под ногтей Мара выковыривала занозы, до крови впивающиеся в нежную кожу пальцев. Боли она не ощущала, вернее, уж точно не телесную, но в горле свербило от постоянного крика, а ком поперек глотки мешал ей дышать.

Черная комната. Не оставили ни свечи, ни подсвечника. Из нижней щели дверного проема поблескивал вздрагивающий теплый свет. Внизу едва слышно потчевали диковинных гостей: Миркула, Хатифу, прислугу и, конечно же, Алую стражу, которая ни в каких угощениях не нуждалась. И хоть они находились внизу и весьма скромно ужинали, Мара могла отчетливо представить эту картину. Как недавно улыбчивый и услужливый советник Хар Шалаа мрачно ест ненавистную северную еду, как Хатифа, жена южного князя, прячет глаза, устремляя взгляд в миску; как их стол обступила Алая стража, и как смиренно им прислуживает хозяин постоянного двора.

Она нащупала свое отекавшее, мокрое лицо, захотела разрыдаться, но не нашла ни слезинки, как будто в ее теле закончилась вода. Перед глазами неизменно плыл образ Дауда, вернее, его истерзанное тело, голова и замерший взгляд, устремленный на нее. На боках, плечах, бедрах, руках, шее горели отвратительными ожогами касания рук Миркула, который тащил ее до повозки. Голова словно наполнена чем-то мягким и болезненным: то странный отвар, который ей вливали в глотку, пока везли сюда. Горьковатый, черный, пахучий, он заставил ее сознание растаять, как ледышку, прогретую весенним солнцем. Путь длиной в двенадцать часов она едва ощутила. Помнила лишь редкие вспышки истеричного крика. Запястья болели, видимо, она сопротивлялась и пыталась вырваться. На костяшках правой руки Мара нащупала свежие коросточки. Неужели дралась?

– Побудь пока тут. Я поднимусь к тебе скоро, принесу поесть и попить. И давай без твоих чудес, ладно?

Так сказал ей Миркул, когда Алая стража протащила ее на второй этаж этого дома. Мара закрыла глаза, припоминая лица людей: всех гостей разом вывели, а наверх ее провожал скорбный взгляд рыжего с проседью крепкого старика. За ним ютилась черноволосая девчонка с длинной косичкой, с любопытством и опаской глядящая на гостью-пленницу.

Мара открыла глаза. Все та же беспроглядная темнота, к которой зрение отчего-то никак не могло привыкнуть. Быть может, все еще последствия того дерьмового отвара? Она нащупала замок на ставнях, он звучно брякнул в петле. Кончиками израненных пальцев она прощупала узкий подоконник, наткнулась на глиняный горшок, в котором стояли уже давно высохшие цветы. Прошлогодние жарки тут же осыпались от ее легкого касания, тоненькие лепестки с шуршанием упали на подоконник.

Мара продолжила двигаться наощупь, снова оказалась у двери. Села на корточки, припала к полу щекой, заглянула в светящуюся щель, но она оказалась слишком узкой, чтобы увидеть что-нибудь кроме кусочка дощатых половиц.

Неприятно кольнуло лоб. Не поднимаясь с пола, Мара пощупала его, к удивлению обнаружив уже затянувшуюся небольшую ссадину. Пробороздив ладонями дверь и выпрямившись, Мара нашла полосы, оставленные ее ногтями и тут же припомнила, как она загнанной в ящик птицей билась всем телом и головой и истошно вопила громче и страшнее, чем лыхонь посреди безлунной ночи.

Зачем же они убили его, ну зачем?

На четвереньках она подползла к силуэту кровати и села на пол рядом с ней, упираясь лопатками в ее деревянную высокую ножку. Уткнувшись лицом в руки и поджав колени, Мара снова разрыдалась, но на этот раз не кричаще, а тихо, как будто эти слезы были ее тайной.

– Дауд, Дауд, Дауд, – бормотали ее губы. – Оживи. Забери меня домой, Дауд. Я хочу домой.

Тоска, охватившая ее в это мгновение, сделала ее тельце маленьким; мельче, чем муравьишка, меньше, чем пылинка в молодом маковом цветке. Ей хотелось к Дауду и к маме, к уставшей, но старательной в своей ласковости и назидательности; хотелось в свой дворец, в свой сад, в свой ельник. Все в этой комнате пахло иначе, звучало иначе, жило иначе. И она здесь была иная, чужая, одинокая, беспомощная.

Беспомощность и жалкость терзали ее глотку и тяжелыми медленными всхлипами вырывались наружу. Насыщаясь страданием, Мара не слышала шагов, бодро взбирающихся по лестнице, но зато слышала, как в замочную скважину входит ключ.

Задолго до того, как дверь успела распахнуться и на пороге показался Миркул, Мара уже была там. Он предстал перед ней в уже другом, более легком темно-желтом кафтане, в руках держал поднос с миской похлебки, краюшкой теплого черного хлеба и молока, пахнущего медом. Все это мелькнуло перед взором Мары лишь на секунду, потому как с собачьим рыком и оголтелым отчаянием она бросилась на его грудь.

Миркул выронил поднос, разбилась миска и кружка, на хлеб он случайно наступил узорчатым башмаком. Она сжала пальцы на его шее, воображая, как под их натиском сломается то, что находится в его горле, сломается и заставит его упасть замертво. Из ее перекошенного рта вырывались дикие слова, значения которым она не знала. Они лились бесконечным резким потоком, подобным пляске теней в ельнике, освещенном факелом.

– Я убью тебя! – сквозь этот словесный ливень раздался ее хриплый гортанный рык. – Я устрою тебе такую смерть, от которой содрогнется сама Азорка! Я... я...

Он взял ее за глотку, как котенка и одной рукой отодвинул от себя. Мара забрыкалась, задергалась, захрипела, попыталась протянуть к нему ладони с неестественно изогнутыми пальцами, напоминающими тонкие березовые ветки, голые и осенние. Миркул стократно сильнее ее. У него достаточно мощи, чтобы оторвать ее от пола и держать на весу за горло, как охотник добычу, но Маре повезло оказаться достаточно рослой, чтобы не болтаться в его хватке, а стоять на носочках. Но даже это беспомощное и жалкое положение не убавило ярости, охватившей все ее существо: она смотрела в его черные глаза с ненавистью, презрением, отвращением, а хрип из ее рта продолжал вырываться проклятиями:

– Ты убил моего Дауда... убил...

– Да, – совершенно спокойно и как будто по-издевательски весело ответил Миркул, словно речь шла о случайно разбитом кувшине, а не о ее возлюбленном, – он мертв. Тебе нужно принять это.

То, что внутри нее давно треснуло, наконец-то разбилось, осыпалось осколками и изранило плоть незаживающими кровоточащими порезами. Обессиленные пустые руки упали, ноги подкосились, и она бы повисла в хватке Миркула, если бы он не отпустил ее горло и аккуратно не подхватил ее резко ослабевшее тело. Наконец Мара заметила, что все это время за его спиной стояло два Алых стражника, безоружных, но напряженных.

Милостивая Всежива, да был ли у нее хоть один шанс исполнить хотя бы крошку из всех проклятий, какими она осыпала советника?

Он усадил ее на постель, твердую, холодную, безупречно ровно заправленную серым шерстяным покрывалом. Оно укололо ей ладони. Сам Миркул присел на край постели, достаточно отдаленно, чтобы не касаться Мары даже коленями, даже краешком кафтана. Она уставилась на свои ноги, тускло освещенные лампадами, которые держала Алая стража в дверном проеме. Толку-то от этих ног, если она не может на них сбежать.

– Он мертв, – повторил Миркул все так же спокойно. – Он не придет за тобой, никто вообще за тобой не придет. Да, ты у нас пленница, но ты сама выбрала себе такую роль. Постарайся привыкнуть к этой жизни, и ты быстрее ощутишь ее красоту. Я не собираюсь, не дай Розд, как-то вредить тебе. Никто не будет тебя бить или принуждать к чему-то, ты остаешься на роли княгини, на почетном месте любимой жены. И чем быстрее ты прекратишь свое сопротивление, тем скорее почувствуешь блага Крайнего Юга.

– Я хочу домой.

– Твой дом – Хрисош. Не Еловая крепость. И мы едем домой. Наконец-то у тебя возможность насладиться пейзажами пустыни и посмотреть разные крепости. Мы будем много где останавливаться. Не этого ли ты хотела всю жизнь?

– Нет.

– Разве? А как же все эти книжки в твоей комнате? Сказки Крайнего Юга. Твои рисунки причудливых животных, каких ты видела только на страницах. В Хрисош ты увидишь попугаев, павлинов, крокодилов, а ездовых ящеров – уже через пару дней.

– Это были просто фантазии. Я никогда не хотела навсегда покидать ельник. Мой дом... – она проглотила последние слова вместе со слезами.

– Нет, он не дом. Подумай, ты всегда стремилась вырваться за стены крепости. Не от того ли ты назвала своего стража в честь героя старой южной сказки? Дауд – разбойник, убивший злую царевну.

Дауд и был ее домом – это Мара поняла отчетливо и окончательно. Миркул неторопливо подошел к двери и подобрал с пола оброненный ключ, мокрый от пролитого молока и похлебки.

– Приберитесь тут и занесите девушке такую же еду, – Миркул говорил с кем-то, кто стоял там, за стеной комнаты. – Солдаты проконтролируют, чтобы она не буянила на этот раз. И, Мара, – Миркул обернулся напоследок, – тебе лучше поесть. Понимаю, кусок в горло не лезет, но если ты начнешь голодать, нам придется снова опоить тебя пустынным и насильно накормить. Я этого не хочу, а ты уж точно.

Она убьет его, непременно убьет. Не сегодня, не завтра, но точно сделает это, обязательно напомнив, как по его приказу истерзали Дауда; она сделает с ним то, что сделал с ней он, но постарается совершить это стократно больше.

Так думала Мара, глядя, как худощавая девушка, согнувшись, вытирала половицы черной от времени тряпкой. Ее неаккуратные растрепанные косы явно сплетены наспех, потому как в столь позднее время она уже должна спать. Локоны касались пола, и она нервными быстрыми движениями убирала их себе за спину раз за разом. Девушке на вид было около четырнадцати, но хмурый взгляд исподлобья и огрубевшие от работы кисти рук свидетельствовали о тяжелой взрослой доле, какой она жила.

– А вы правда княжна?

Ее шепот почти неразличим в тишине. Мара встрепенулась, подняла на нее уставшие покрасневшие глаза. Девушка не глядела на нее, а терла уже чистый пол, как будто на нем были какие-то неотмываемые пятна.

– Да.

– Куда же вы... куда же вас...

Не найдя ответа, Мара бессильно пожала плечами. Конечно же, девчонка не видела этого жеста, но слышала шелест ее платья.

– И как же мы без вас? – наконец она подняла голову, положила мокрые и грязные руки себе на колени. – На севере всегда должна оставаться правительница ельника. Иначе быть беде. Лес иссякнет.

Вон оно что. Суеверные простые люди верили, что каждая правительница Еловой крепости поддерживает на севере лес. Как и верили, что князь Руяна велит рыбе плыть к берегам, Подземный – растит металлы и драгоценные камни, а Горный – просит богов на своих вершинах быть добрее в новый сезон. Только Мара знала юного Кира, который во всем полагается на советников; видела доброго и простого Илая, избранного и несостоявшегося жениха; слишком близко знакома с Вагором, который уж точно никогда не прикасался к божествам.

– Не бойся. С лесом не станется ничего.

– А с вами?

Шустрая девчонка подслушала каждый звук, сказанный Миркулом на неровно сказанном северном диалекте.

– Живой мне будет хуже, чем мертвой, – Мара произнесла это, и ее тут же осенило. – Тот мужчина велел тебе принести мне еды. Не найдется ли для меня толстого ломтя говядины пожестче?

– Найдется. Отчего же вам похлебка не понравилась, вы же ее даже не пробовали?

– Мы ехали больше двенадцати часов, долгий путь. Я проголодалась.

– Хорошо. Передам маменьке, печь у нас разогретая, запечем и подадим с капусткой и свеклой.

– Да. И главное побольше кусок, посочнее.

Девушка прибрала тряпку в ведро и вышла наружу. Алые стражники заперли за ней дверь на ключ, хрустко повернув его в замочной скважине.

Мара упала на бок, чувствуя щекой колкость покрывала. В сундуке напротив лежали какие-то платья, которые ей любезно подарила Хатифа. В одно из них, цветастое, теплое, расшитое серебром, ее одели прямо в повозке. Высокий белый ворот этого платья доходил до самой челюсти и впивался в кожу. Пуговицы узко стягивали ей грудную клетку, поэтому Мара, лежа на боку, нехотя растянула несколько из них. Легче дышать не стало, но ей этого и не хотелось. Плотно сжав глаза до болезненного ощущения, она обняла себя за плечи и невольно стала раскачиваться взад-вперед.

Далеко-далеко была ее мама, а еще дальше был Дауд. Где же он теперь? Куда уходят нефилимы, когда умирают?

– Отведи меня домой, Дауд, – бормотала она, продолжая раскачиваться. – Не хочу я ни на какой юг. Не хочу быть ничьей женой. Смерть лучше, чем такая жизнь.

Постепенно до нее дополз запах тушеной говядины. И хоть желудок Мары пуст, она не испытала голода от этого аромата, напротив, ком тошноты продвинулся еще выше по горлу. Скоро она услышала, как легкие ножки поднимаются по ступенькам, и как в замочной скважине снова поворачивается ключ.

– Мясо готово, госпожа.

– Поставь на стол. Спасибо.

Мара не открывала глаз. В черноте перед собой она видела Дауда, живого и целого. Он стоял в своем камзоле, заведя руки за спину, привычно равнодушно глядел на нее, молчаливый, ледяной и такой близкий. И лишь когда служанка покинула комнату, а Алая стража снова заперла дверь по ту сторону стен, Мара распахнула веки и подскочила с кровати к столу.

Мясо в тарелке ее не интересовало нисколько. С нетерпением и ужасающим трепетом княжна ощупала поднос, найдя ложку. Нет, нет, они не могли положить ей одну только ложку! Такое мясо естся руками, и... Ее ладони тряслись, покрываясь ледяным потом. Деревянная

шершавая ручка оказалась в смертельной хватке ее крючковатых пальцев. Нож. Да, они положили нож, конечно же, иначе как она бы ела это жесткое мясо.

Схватив его и поднеся к лицу, Мара кончиком пальца ощупала лезвие. Ребристое и туповатое, но лучше, чем ничего. Не будь тут ножа, пришлось бы воспользоваться ложкой (боги будут смеяться) или, того хуже, нашуметь и разбить глиняный горшок до острого осколка. Все, о чем только могла мечтать Мара, теперь было в ее руках. Трепет, поселившийся в ее груди, колот изнутри неожиданным страхом или, вернее, даже ужасом.

Мара расстегнула еще несколько пуговиц и торопливо сняла с себя платье. Оказывается, комната плохо отапливалась, и ее бледная кожа тут же покрылась мурашками. Дрожа и дергаясь от страха и холода, обнаженная Мара села на постель и до скрежета в костяшках сжала нож.

Теперь она узнает, куда уходят нефилимы, потому что отправится следом за ним. Это согревало. Княжна резко замахнулась, не оставляя себе ни единого шанса на раздумья.

2. Плата

Мара ехала бок о бок с Миркулом. Если ранее он не смел даже случайно касаться ее одежды, то теперь он все время был рядом. Спал, ел, сидел в близости, к которой Мара скоро привыкла. Бесконечная усталость делала ее равнодушной к любым проявлениям советника.

Это он нашел ее на кровати обескровленную и окоченевшую. В панике схватил ее за лицо, приоткрыл веки и с ужасом, подтверждающим очевидное, отшатнулся. Шерстяное колючее покрывало мокрое и холодное. Рука Мары когда-то была вспорота глубоко, решительно, от запястья и до самой подмышки, но сейчас на месте раны оставался только глубокий красноватый шрам, уже плотно затянувшийся. Нож лежал на дощатом полу, в его тупых зубьях, если ковырнуть, можно найти остатки кожи.

Тогда Миркул сел на постель рядом, не боясь испачкать дорожную одежду и трясущимися руками выдрал себе клоч волос из головы, а потом из бороды. Не найдя себе места, он снова проверил Мару, приложив пальцы к ее шее.

– Он убьет меня, – раздался его голос. – Показательно казнит.

Тут же он обернулся на дверь, которую, благо, он додумался прикрыть за собой, едва-едва различив в полумраке ее лежащий силуэт. Приложив палец к губам он, наверное, испугался, что Алые стражники его услышат. Приказ у них однозначен, и если Миркул не доставит Мару живой и здоровой в Хрисош, то они могут расквитаться с ним на месте.

– Зачем же ты так поступила, девочка, – его голос задрожал еще сильнее. Он сел на колени рядом с кроватью и провел рукой по ее бледной щеке.

Жар от его касания обжег кожу.

Мара очутилась в черной пустоте, ужасающе ледяной, гулкой, но при этом беззвучной. Она искала глазами Дауда, но вокруг не было ничего. Тогда она поднесла к лицу руки, чтобы посмотреть на свои ладони. Они полупрозрачные, текучие, как ручьи. Попыталась ощупать себя, но тело мягко проваливалось от ее касаний, ощущаясь, как холодная вода подо льдом. На этом моменте ей положено было испугаться своего состояния, но Мара испытала лишь огорчение от того, что здесь не было его, мертвого любимого стража.

И тогда она испытала окутывающий разум голод. Она снова обвела пустое пространство взглядом, но вокруг по-прежнему ничего. Пребывая здесь в совершенном одиночестве, мучимая жаждой пищи, она опять поднесла руки к лицу, но все ближе, ближе и ближе, пока указательный палец не оказался у нее во рту. Мара сдавила челюсть. Палец хрустнул. Не ощущая ни боли, ни вкуса, Мара стала пожирать свою ладонь.

Так пришло насыщение. И только тогда, когда ее руки не было по локоть, Мара расслышала омерзительный южный диалект и без усилий опознала голос Миркула, все более отчетливо рычащий в пустоте.

Миркула обдало ледяным ужасом, от которого он мгновенно откинулся на спину и попятился назад, пока не уперся спиной в сундук с одеждой. Мара, только что мертвая, холодная, неподвижная, распахнула глаза и уставилась на него пронзительным серым взглядом.

– Розд милостивый... Розд спаси...

Он трясся, не в силах оторвать глаз от ее бледного лица. Мара перевалилась с бока на спину и хрипло вдохнула в себя воздух. Положила руку себе на грудь, обнаружив, что кожа у нее голая и ледяная, неожиданно остро торчат худые ребра. Второй рукой она провела по ним, пытаясь осознать свое тело. Слишком худой впалый живот, даже торчат тазобедренные кости, прямо как у сестры. Ямки у ключиц глубокие, можно залить туда воды и запустить рыбок. Подняв вверх руки, она посмотрела на тонкие крючковатые пальцы, бледные ногти, узкие запястья,

окончательно поняв, что тело истощено. На руке ярко-огненной полосой проходила борозда шрама, еще болезненного, но прочно зажившего.

– М... Марена? – Миркул встал над ней, тут же стянул с себя верхний халат и укрыл ее тело. Она, даже не смутившись наготы, хмуро смотрела на его испуганное, нависающее над ней лицо. Он говорил на северном, видимо, боялся, что Мара может его не понять, будучи такой ослабленной и неожиданно живой. – Ты... ты... ты была мертва?

Она приподнялась на локтях, затем медленно села. Халат сполз с нее, и Миркул опять накинул его на нее, прикрывая грудь и нарочито отводя голову. Мара ощупала свою шею и челюсть, окончательно удостоверившись в двух вещах: во-первых, она жива; во-вторых, ее тело и впрямь истощилось.

– Сколько прошло времени? Сколько я тут?

– Сейчас утро. Ночь... прошла ночь.

Миркул, кажется, начал понемногу приходить в себя, потому что в его взгляд вернулась привычная смешливая невозмутимость и уверенность умудренного мужчины. Хорош, советник. Нечеловечески хорош – не зря заслужил себе место при князе.

Мара размяла плечи непослушными пальцами. Тело затекло, и любые касания к нему ощущались непривычно. Неосторожный взгляд ее скользнул по ножу, лежащему на половицах. Миркул понял ее, и, резко согнувшись, поднял его, прежде, чем девушка успеет сделать это первой. Мара дернулась от его быстрых движений и разочарованно выругалась про себя. Возможность приобрести сколько-нибудь веское оружие безвозвратно упущена.

– И часто ты проделываешь подобное? – Миркул отошел к двери, держа нож за спиной. – Умираешь, а потом воскресаешь?

Она поджала и без того узкие, бледные губы, задумавшись. Какой ответ дать Миркулу?

– Это дар Всеживы для меня.

– Врешь, – он, приоткрыв дверь, просунул в проем руку с ножом, передавая его Алому стражнику, а потом так же поспешно закрыл ее за собой. – Ты плохо врешь. Я уже вижу, что ты удивлена этому не меньше, чем я.

“Козел драный”, – мысленно выругалась Мара. Наконец она почувствовала сползающий с плеч халат и поежилась, придерживая его на себе. В этот же момент в дверь звонко постучали, и не успел Миркул открыть дверь, как постучали опять. Когда же он приоткрыл ее, на него посыпался поток шустрой южной речи; говорил мальчишка, один из прислужников Миркула. Слова беглые, резкие, даже гавкающие, но Мара попыталась сосредоточиться, чтобы уловить хоть какой-нибудь смысл.

– Засекли-погоня-уходить-скоро, – тараторил юноша, – сейчас-вернут-враждебно.

Мара подскочила, ей очень захотелось схватить этого парня за плечи, отчаянно тряхнуть его так, чтобы слова начали вываливаться более понятным образом, но Миркул полностью загородил собой дверной проем.

– Собирайся, уезжаем, – проговорил он на северном, а затем обратился уже на южном обратно к парню, – Хатифу сюда.

– Что он сказал? – Мара бросила слова ему в лицо, и Миркул попытался аккуратно отодвинуть ее от себя. Но она, держа его халат у себя на плечах, настойчиво рвалась к двери, – говори, или я... или я...

– Хатифа поможет тебе одеться. Мы уезжаем немедленно.

Ясно. Мама, княгиня Рагнеда отправила солдат на ее поиски, и они точно скоро будут тут. Мара обвела комнату беглым взглядом, чтобы понять, как она может задержать сборы, но Миркул, сильно схватив ее за предплечья, развернул на себя.

– Мне больно! – она попыталась освободиться от хватки, но не смогла. Советник вцепился в нее, как паук, и в это же мгновение в комнату ввалилась Хатифа и еще одна служанка.

Они выругались на южном о чем-то, что касалось ее неподобающего вида, и Миркул так же коротко ответил им что-то, что утверждало его непричастность к внешнему виду Мары.

– Не пытайся даже думать о том, чтобы как-то помешать нашим планам, – процедил он сквозь зубы. – Ты достаточно показала свой нрав, но я не показал тебе весь свой, и он тебе не понравится.

Как бы он не угрожал, Миркул не способен напугать ее.

– Иша ра! – вскрикнула Хатифа, указывая на пропитанное кровью одеяло, а она как раз хотела бросить темно-синее с серебряным бисером платье на кровать. Миркул снова ответил что-то вроде “нет времени, быстрее”, а затем покинул комнату. Мара было посчитала, что это отличный момент начать сопротивляться сборам, но вместо Миркула в комнату вошло два Алых стража.

Хатифа скинула с Мары халат и попыталась приподнять ее руки, чтобы продеть их в широкие рукава, но Мара отпрянула и звонким шлепком ударила Хатифу по ладони. Женщина нахмурилась.

– Я не поеду.

– Цык, – странный звук, похожий на недовольство и на властный приказ одновременно, сорвался с губ Хатифы. Алые стражники обхватили ее болезненно тонкие запястья и подняли так, что теперь женщина могла одеть княжну. Мара вскрикнула и попыталась укунить ее за руку, когда та стала застегивать пуговицы на груди, но Хатифа не только увернулась от ее движения, но еще и смешливо поддела пальцем ее подбородок.

– Сука, – зарычала Мара.

– Юным девушкам не пристало так выражаться, – раздался голос Миркула из-за двери, но громко, так, словно он вовсе был в помещении.

– Не твякай! – крикнула она еще громче.

Хатифа сообщила Миркулу, что Мара одета. Он вернулся в комнату уже в перчатках и высоких кожаных рыжих сапогах по ногу, на поясе его прочно крепилась небольшая сума. Оглядев Мару, он удовлетворенно кивнул, но Алые стражники все еще держали ее за запястья.

– Связать-руки-ноги, – южный диалект опять спутал ее сознание, и она даже напряглась всем телом, чтобы понимать значение сказанного. – Отдельно-я-с-ней.

Ее тут же согнули вниз головой, и она вскрикнула. Один Алый стражник держал ее руки, а затем и ноги, пока второй связывал их. В конце Миркул взял ее за челюсть и больно надавил, отчего у нее даже свело мышцы и она открыла рот. Туда ей запихали шмоток ткани, а затем плотно перевязали рот обрывком веревки.

В таком состоянии Миркул, без усилий закинув Мару на плечо, спустил ее вниз. Все, что она могла делать – это смотреть по сторонам, но советник предусмотрительно расчистил путь, и ни на втором, ни на первом этаже, и даже во дворе не было лиц, с которыми она не была бы несчастливо знакома. Все, кто ее окружал, были гребаными южанами, сопровождающими ее похищение. Видимо, владельца постоянного двора и прочих слуг заблаговременно попросили удалиться в их комнаты, пока гости не покинут дом.

Он закинул ее на седло, а сам сел рядом. Мара поняла: ехать они вдвоем будут отдельно и явно не по основной дороге, а повозка, в которой она провела предыдущие двенадцать часов, станет приманкой для солдат из Еловой крепости. Но ни закричать, ни сбежать она не могла: бессильным мешком Мара болталась в седле, которое, к тому же, болезненно передавливало ей живот. Ее подвязали веревками, какими обычно привязывают спереди к седлу плащи от дождя, и при движении они впивались ей в поясницу.

– Зря ты не поела вчера, Марена, – хмыкнул Миркул, пуская своего серого коня в лес. Когда они спустились в овраг, в лошину, Мара окончательно потеряла из виду постоянный двор. – Нам чуть больше суток езды, а ты этой ночью больно похудела.

Она хотела прорычать, промычать очередное пожелание скорой смерти советнику, но от тряски вышагивающего коня и равномерных ударов по животу дыхание сбивалось. Миркул не долго держал коня на шаге, и вскоре слегка приударил его бока. Тряска стократно усилилась, и Мара даже недовольно вскрикнула, но советник быстро пустил жеребца в галоп. Более мягкие движения поначалу показались удобнее, но вскоре от качки начали болеть бока.

Молодой конь хорошо обходил стволы деревьев, ветки, уверенно прыгал через еще заснеженные овраги, как будто всю жизнь он видел перед собой не пески, а леса. Редкие ветки хлестали ее по ногам, а видеть Мара могла только сырую листву, мокрую от тающего снега траву, оголенные корни деревьев и черную влажную промерзшую землю, едва-едва отходящую от зимнего сна. Качаясь на седле, Мара подумала, что ей неплохо было бы оказаться под копытами коня, чтобы тот раздавил ее. А еще лучше – уронить Миркула, который так уверенно держался верхом, придерживая ее левой рукой, как будто ехал по своему собственному лесу и вез на охотничьем коне убитую косулю, а не краденую княжну.

Но то был не его лес. Сосны, ели, кедры, березы, осины, каждый черемуховый куст и голое яблоневое дерево были творением рук ее родичей. Он увозил не княжну, нет; Миркул своровал само сердце Ельника. И, может, права та девушка из постоянного двора, правы все, кто придерживается мелких суеверий. Князья северных крепостей должны оставаться здесь, на севере, перемещаясь (и то по воле богов) только между собой, но в сущности всегда оставаясь дома. Едва ли это понимал Миркул, едва ли его разуму, сколько бы он ни был хитрым, хватало понимания, что именно он сотворил. Он вез молодую княжну, увозил жизнь ельника, саму его сущность. И что будет с ельником без нее?

То же, что стало с ее Даудом. Где-то покоятся его останки и, как надеялась Мара, где-нибудь в лесу. Сольется ли его тело с землей и водой, произрастет ли из его плоти новое дерево, или вечность он будет лежать там, становясь страшилкой для местных суеверий? Станет ли с ельником то же самое: будет ли он стоять, растерзанный и тоскливый, или просто исчезнет, растворится в бесконечном извращенном жизненном потоке, лишенном своего сердца – молодой княжны?

Глубокая печаль переполнила грудь Мары, но вместо слез она ощутила знакомое покалывание в пальцах. Оно рвалось наружу и умоляло направить его хоть куда-нибудь, чтобы не оставаться гореть на ладонях. Когда конь в очередной раз перепрыгнул через небольшой овраг, покалывание сорвалось с кончиков ее пальцев и ударилось о кедр.

Сухой и старый, он затрещал. Мара ощутила, как корни кедра мгновенно ослабли, и как вся влага, вся жизненная сила дерева прокатилась по нему и вырвалась из ветвей. Кора стала трескаться, сломался его ствол. С оглушительным скрипом кедр стал падать ровно на тот путь, куда Миркул направлял коня.

Конь встал на дыбы, встревоженно заржал. Мара выскользнула из седла, и веревки, поддерживающие ее на нем, с глухим треском оборвались. Она ударилась лицом о корку чернеющего льда прямо в овраге. Тонкий ручей, стекающий между круглых камней, тут же намочил ее шерстяное платье. Жар, охвативший лицо, дал понять, что нос разбит и из него хлещет кровь.

Миркул кричал что-то на южном, но сквозь звон в ушах Мара не могла расслышать даже обрывки фраз. Ввысь взлетели вороны, встревоженно каркая, лес хрустел и двигался от падения старого гиганта. Кедр сломал под собой несколько берез, его ветки еще колыхались от падения с такой высоты.

Топот копыт наверху, сминающих влажный мох, над оврагом. Миркул крикнул ей что-то, спешил. Мара попыталась перевернуться на спину, чувствуя, как ледяная вода ручья и собственная кровь заливаются ей в рот. Значит, тряпье наконец выпало из ее рта, и она может говорить. Под ее животом лежал острый камень, она чувствовала его угол своей кожей. Платье порвалось, но она не могла понять от оглушения и холода, пронзил ли он ее тело. Советник прыгнул вниз, предварительно подвязав перепуганного жеребца у ближайшего куста – тот

нетерпеливо и встревоженно танцевал на месте, дергал головой, умоляя хозяина поскорее бежать из пугающего леса.

Он взял ее за плечи и аккуратно перевернул на спину, пытаясь удостовериться, что Мара сколько-нибудь в порядке. Миркул говорил с ней на северном, но Мара его не слышала. Новые ощущения дали ей понять, что живот ее цел, а вот острый камень теперь находится прямо перед связанными за спиной руками. Она повела предплечьями, веревка чиркнула о камень и руки оказались свободны.

– Розд помилуй, как ты? Цела?

Он заградил своим лицом серое небо и кроны деревьев. Мара сжала в ладони острый камень, глубоко и размеренно вдохнула и ударила. Миркул закричал, откинулся на спину и зажал рукой кровоточащий лоб. Мара тут же оседлала его, как могла с завязанными ногами. Зарычав дикой кошкой, она в размахе завела обе руки с камнем себе за голову, а затем резко опустила на лоб Миркула. Камень ударился острием, но недостаточно сильно, чтобы пробить череп.

Идиотские слабые девчачьи руки не могли даже нормально держать камень. Вскрикнув от ярости, но больше – от обиды за собственное бессилье, она ударила еще раз. Удар пришелся уже в другую часть лба. А затем Миркул перехватил ее запястья. Кровь хлестала из раны, заливала ему глаза, щеки, нос, капли попадали даже в рот и стекали вниз с челюсти по шее, пропитывая воротник. Конь наверху ржал и топтался, пытаясь бежать с этого проклятого места. Советник сдавил ее запястья так сильно, что камень выпал из ее рук и глухим стуком приземлился ему на лоб, но уже далеко не так болезненно, как мог бы, и откатился в ручей.

Мара осознала, что все это время кричала на него в отчаянии, разбрызгивая собственную кровь из носа. Растрепанная, в порванном платье, со сбитыми костяшками пальцев, промокшая и трясущаяся от холода и гнева, она выглядела просто жалко. Миркул сел, не выпуская ее запястья из своей хватки, даже не скидывая ее с себя. Сев, он резко отпустил правую руку и размашисто ударил ее по щеке.

Мара схватилась за лицо. Непривычная обжигающая боль мгновенно заставила ее кричащий разум замолчать. Она сползла с его ног и села на колени прямо в ручей, ошалело глядя прямо перед собой, на грязные следы собственного падения в этот овраг. Миркул достал из сумы на поясе расшитый синими нитями платок и вытер кровь с ее лица, и уже затем пощупал рану на своем лбу. Его изуродованное бордовыми ручейками лицо исказилось от холодного сухого недовольства. Он попытался подняться на ноги, и ему это удалось, но не с первой попытки – тело покачивало от ударов, которые княжне удалось ему нанести.

– Ты и впрямь была серьезна, когда угрожала меня убить? – он посмотрел на красные разводы на своей ладони. Достав еще один платок, он приложил его к раскрытому лбу, постепенно останавливая кровь. – Теперь я понял, что мне стоит относиться к твоим словам серьезнее, Марена.

Он склонился над ней, тронул за плечо. Она все еще держалась за щеку, пряди волос скрывали ее низко опущенное лицо. По тяжелому дыханию стало ясно, что Мара все еще не пришла в себя.

– Я прошу прощения за мое поведение, это был недостойный мужчины жест. Мне нет оправдания. – Он приподнял ее на покачивающихся ногах, придерживая подмышку. Красное пятно расплзлось по ее лицу, а в глазе виднелся кровоподтек. Миркул недовольно покачал головой, осматривая внешний вид княжны. – Хотя все же одно есть: не ударь я тебя, ты бы так и не прекратили попытки меня убить.

Она и не прекратит. Это временное замешательство, время осмыслить свои телесные возможности по сравнению с его. Миркул сильнее, намного сильнее Мары, и дело вовсе не в его силе, а, скорее, в ее слабости. Чтобы убить его, ей придется действовать не так, как Дауд.

Как мама. Как жаль, что Мара так мало уделяла внимания ее наставлениям и учебе. Будь она хоть вполтину так хитра и дальновидна, как княгиня Рагнеда, она бы уже прикончила Миркула на полпути на Юг.

Он помог ей подняться наверх оврага, распутав веревки на ногах, и там усадил ее на пенё поваленного кедра. Гигантское тело дерева образовало длинную полосу сломанных кустарников, берез и молодых елей, простирающуюся далеко вперед и вверх, на холм. Много жертв ради одного ее провала. Непростительная ошибка.

– Чтобы немного отвратить твой гнев от себя и дать тебе понять, что я не единственный злодей в этой истории, позвольте тебе кое-что рассказать, – Миркул, даже несмотря на то, что он был окровавлен, а одежда его испачкана весенней грязью, выглядел так, словно с ним ничего не произошло. Он завел руки за спину и встал перед ней, как назидательный учитель, а не гнусный пленитель. – Выкрасть тебя было бы непросто, если бы во дворце бодрствовала стража. Но ее не было, и, как ты думаешь, отчего?

Такое уже было с ней в Красную ночь. Вся охрана оказалась подкуплена. Но на этот раз Мара потерялась в догадках, озадаченно глядя на советника исподлобья. Она проклинала себя за собственную девичью тупость: ну где же, где наследие ее матери, если она не способна на простейшую загадку от поганого южанина? Не дождавшись от нее ответа, он кивнул и продолжил:

– Я нашел слабость у твоего... друга. Он был странно зависим от маленькой деревянной безделушки. Я забрал у него ее, а взамен попросил воспользоваться своими связями и всего на пару часов вывести всю стражу из дворца.

– Марк... – прошептала Мара, наконец отняв ладонь от левой щеки. Миркул, склонившись к ее лицу, осмотрел место удара и обеспокоенно вздохнул.

– Мне очень жаль, тут будет синяк. К моменту прибытия в Хрисош он пройдет, а я клянусь Роздом более не повторять подобных выходов.

– Марк? – она заглянула в его черные глаза с вопросом, который совсем не понимала. Юноша предложил ей стать его женой, а затем продал за побрякушку. За ту самую, от которой, как он сам сказал, отказался.

– Увы, – Миркул подал ей руку, чтобы та могла встать и повел ее к коню. – Ты ищешь зло во мне, но я выполняю поручение моего князя. И при всех, простите, грязных способах выполнения приказа, цель у меня благородная: я хочу, чтобы жители Хрисош наконец были сыты и напоены, а ты – главный ключик к тому.

– Но Марк не мог...

– Мог. Он слишком дорожил той безделушкой. Так что, прошу, если ты можешь, то прекрати винить меня в гибели твоего нефилима и в твоём похищении. Будь твой друг чуть более стойким, ты бы сейчас была дома рядом с вашим живым Даудом.

3.Енох

Пустыня и впрямь от слова “пусто”. Песок и небо – вот что теперь окружало Мару. После хвойных изумрудных лесов, звенящих прохладой, эта безжизненная равнина стала чужим миром. Дюны, похожие на застывшие волны, простирались до самого горизонта, и их багряно-золотистый цвет, играющий в лучах палящего солнца, вызывал в ней странное, противоречивое чувство. С одной стороны, Мара не могла оторвать взгляда от этого незнакомого пейзажа, от его пугающей, но завораживающей красоты. Никогда прежде она не видела ничего подобного, и в глубине души шевельнулся росток восхищения.

Но рядом с ним росло и другое, проникающее сквозь тонкую ткань ее одежды – напоминание о своем ничтожном бессилии. Этот безграничный простор, в котором она – пленница, был ей насмешкой над ее мечтами о том, что находится за пределами дворца и крепости. Жара сковывало тело, как узкое платье, дышать становилось труднее.

Некогда израненные руки почти зажили. В одну из прошлых ночей Миркул привез ее на постоянный двор в степи, где старик-хозяин предложил им горячую похлебку и запеченного кролика. Мара отказалась есть, и тогда Алый стражник, держа ее за челюсть, силой открыл рот, а Хатифа влила в нее суп. Странное, насмешливое удовольствие тогда было на ее лице. Мара выхватила глиняную миску и разбила ее о голову женщины, затем вторую швырнула в Миркула, а к третьей ее уже прочно прижали к полу. Тогда она и не заметила, что промазала по Миркулу, но изрезала себе руки глубокими рваными ранами. Вспоминать об этом было стыдно, особенно стыдно перед гостеприимством пожилого хозяина дома. Но сейчас, сидя в закрытой душной повозке напротив потеющего израненного лица Хатифы, Мара испытывала хоть какое-то злорадное удовлетворение.

Получай, первая жена Хар Шалая. Расскажи потом своему мужу, какого зверька ты привезла с дикого севера.

Впрочем, Хатифа вела себя достойно, не проронив ни слова ругательства. Лишь мрачно смотрела на Мару, вдавливая ее взглядом в сиденье, и та вынужденно прятала глаза в складках платья.

Крепости в пустыне – раскаленные бочки, в которых люди уже даже не истекают потом, ведь они и так потеряли остатки влаги в нескончаемой духоте. В этой крепости, металлической, с непонятным неровным названием, звучащим, как скрежет металла по металлу, переполненной истощенными жителями, Мару поселили в дом местного “князя”. Молодой мужчина, мускулистый, темнокожий, принял их без особого радушия. Миркула, Мару и Хатифу он расположил на втором этаже собственного дома, в соседний, к своим сподвижникам, он подселил остальных слуг. На этот раз княжна не отказалась от еды, и на стол три костлявые южанки подали миски с овощами, смешанными с сушеным мясом; вся еда щедро присыпана пряностями и перцем, отчего Мара тут же чихнула. В кружке ей подали пахучую брагу, а в крошечную полусферу-миску налили немного воды.

– Рауль, будь добр, – дальше Мара с трудом различила беглый южный диалект, на котором Миркул обратился к хозяину крепости. – Поищи-воды-прикажи-ужин.

– Воды нет, – качнул головой Рауль. Он стоял в дверном проеме, скрестив на груди руки и мрачно наблюдал, нет, даже вглядывался в то, как неохотно Мара ковыряется ложкой в миске с овощами. Еда переперченная, слишком насыщенная по вкусу, но очень сухая – из-за всего этого рот мгновенно наполнялся липкой слюной, но проглотить такую пищу было все равно трудно. – Прибыли-гости-ракх-дам-тас-инок.

Если Мара могла составлять смысловые цепочки из отдельных обрывков фраз, то последние слова оказались ей совершенно не знакомы. И хоть диалект во многих словах был схож с северным, существенная часть звучания была исковеркана. Но по реакции Миркула Мара

без труда осознала важность сказанного. Видимо, советник заметил, как вдумчиво, хмуря лоб Мара вглядывается в его эмоции, отчего улыбнулся.

– Мой дорогой друг Рауль только что сообщил мне, что в этой крепости находятся еще гости. Караван с князем Инок, – последнее слово Миркул, изъясняясь на привычном ей диалекте, проговорил с таким акцентом, каких звуков в речи северян не было вовсе. – Я бы хотел посетить Инок, поздороваться со старым приятелем, но и тебя оставить не могу в одиночестве, в силу твоего характера. Боюсь, тебе придется составить мне компанию.

Впрочем, Мару его “предложение” не смутило, напротив, любопытство посмотреть диковинную крепость брало верх над подавленным состоянием сердца. Она коротко кивнула, хотя ее согласие тут и не требовалось. Вяло разжевав сухой картофель и с трудом проглотив кусок мяса, она запила все это глотком воды (именно настолько хватило чаши), после чего в сопровождении Миркула и двух Алых стражников выдвинулась наружу из дома, в крепость. Несказанно порадовало и то, что Хатифа осталась в доме – настолько уже надоело ее вечное присутствие и излишне спокойный, назидательный и гордый вид.

Она двинулись по тонкой змее-улице, под ногами, обутыми в сандалии, хрустел песок. Под песком, кажется, некогда была достаточно изящная крупная плитка, но теперь она скололась и стерлась временем. Мара шла, опустив взгляд к земле, оттого смогла различить повторяющийся узор солнца и ящера, который окольцовывает его круг и кусает собственный хвост.

Ящеры тут повсюду. Они запряжены в ее повозку, на них ездят верхом; здесь, в крепости, расположился целый загон с этими животными; они смиренно стояли, прикрыв глаза и медленно размеренно дышали. Более никаких телодвижений эти создания не совершали, как будто экономя силы и ту немногу влагу, какая есть в их телах. Мара задержала взгляд на них, пока загон ящеров не скрылся за низкими каменными домиками, выдолбленными вдоль стен пещеры. И сами ящеры были словно созданы из камня, настолько неподвижны оставались их фигуры.

Подобие рынка с прилавками, расположенными прямо на земле. Взгляд Мары упал на маленьких игрушечных каменных ящерок, разукрашенных небрежными красными пятнами. Она даже замедлила шаг рядом со стариком, который торговал этими игрушками и еще всякой утварью. Заметив, как девушка приостановилась рядом с его “прилавком”, он приветственно махнул тощей жилистой рукой, смуглой, почти черной. Мара не поняла ни слова из его южного диалекта, настолько изломанный и рычащий он был. Но Миркул обернулся и жестом велел Алой страже остановиться.

– Если интересно, можешь рассмотреть поближе, не пугайся.

Мара присела на корточки, неаккуратно подобрав полы платья так, что оголила ноги по середину икр. Миркул, подхватив свой подол кафтана, сел рядом и тут же одернул ее юбку так, что она опустилась до щиколоток. Мара чуть дрогнула от этого жеста, но поняла: Миркул сделал это беззлобно, а, скорее, будто по привычке.

Она взяла в руки крошечного игрушечного ящера в красных пятнах. Фигурка оказалась тяжелой, сделанной из цельного камня, и то, что казалось неумелой и небрежной работой, теперь выглядело непомерным старанием. Старик-торговец что-то сказал ей, и окружающие мужчины, также сидящие у своих покрывал с товарами, согласно закивали, поддакивая. Миркул перевел:

– Он говорит, что делал эту ящерку своим внукам.

– Почему же он тогда продает ее?

Миркул переспросил, и старик ответил.

– Они умерли, – помедлив, Миркул добавил уже от себя: – тут такое часто происходит. Хочешь, я куплю тебе эту игрушку?

– Хочу, – кивнула Мара и сжала в ладони крепкую каменную фигурку. Миркул расплатился за нее и положил игрушку себе в набедренную сумку.

Они прошли мимо рынка и мимо домов, из окошек которых на Мару глядели многочисленные глаза местных жителей. Крепость жила, как ни странно, извращенно, но жила. На улицах играли дети, в страхе разбегающиеся перед поступью Алых стражников. Они шли нога в ногу, и, попадись им на пути один из этих мелких худощавых ребятишек, они бы раздавили его, не задумавшись.

Но, что непривычно больше всего, так это почти полное отсутствие жизни в этой крепости. Когда Мара прогуливалась по садам своего ельника, все ее тело приятно покалывало, что-то внутри все время шевелилось и откликалось на бесконечное буйство растений. Даже зимой семена, покоящиеся подо льдом, да и вечно зеленые ели, кедры и сосны тянулись к Маре и заставляли ее сердце усиленно трепетать. Удивительно, как раньше она совсем не придавала значения этим ощущениям, настолько они воспринимались по-должному. Здесь же почти все мертво, и она ощущала лишь небольшой огород, в котором выращивали картофель, свеклу, морковь и еще какие-то неизвестные ей корнеплоды. Это ощущалось как непроходимое глубокое одиночество. Словно раньше в ее голове пел хор голосов, а теперь она попросту оглохла.

Лестница вела вверх. У каменной двери Миркул тихо постучал, и прежде, чем он успел стукнуть три раза, в узкий дверной проем высунулась голова старухи в одних только обносках, которые едва прикрывали ее старческое рыхлое тело. Она говорила на еще более непонятном южном из-за беззубого рта и впалых щек и губ, которые колыхались от произносимых ею резких звуков. Миркул представил ей Мару, пристально разглядывающую узорчатую дверь. Опустив взгляд, она прослеживала завитки выдолбленных в камне узоров, образующих огромное витиеватое солнце. Старуху она почти не заметила. А потом они вошли внутрь.

Это помещение залито светом, причудливым образом расходящимся от солнечного колодца. Незримые, но ощутимые теплые потоки расползались по стенам, полу, по всему воздуху, цепляясь самыми кончиками за каменные лежаки, расположенные вокруг этого колодца. Мара остановилась у двери в оцепенении: незнакомая сила вдруг опутала ее по рукам и ногам, пролилась в ее глаза и уши, ослепила, оглушила, прощупала изнутри каждый внутренний орган ее тела. Жаркое и одновременно с этим леденящее ощущение длилось недолго, всего лишь каплю секунды, но этого было достаточно. Мара поняла: это место – дом солнца.

– Здесь храм Розд, – пояснил Миркул и обвел рукой старух, которые окружили один из таких каменных лежаков, – это – его жрицы.

Мара попыталась стряхнуть незнакомое ощущение, но оно уже прочно легло ей на плечи и расползлось по груди. Жар неприятный, слишком живой, ползучий, подобный текущему расплавленному металлу.

– Кто такой Розд? – спросила она, не обращая взгляд на Миркула. Теперь ее глаза рассматривали солнечный колодец, на вершину которого вели узкие, местами сломанные ступени. На одной из этих ступеней сидела лысая и голая девочка, поедающая сухой ломоть хлеба. Он хрустел на ее немногочисленных тонких зубках, а ее круглые впалые глаза глядели на Мару без интереса, но все-таки пытливо.

– Присядь пока, – Миркул указал ей на один из лежаков. Мара едва передвигала ногами из-за тяжести на груди, и лишь после того, как Миркул отошел от нее, заметила, что в помещении находился еще один мужчина. Старик. Древний, но крепкий, жилистый, обгоревший. Кажется, в молодости он был высок и красив, потому что даже на искаженном морщинистом лице остались те остатки прекрасной юности. – Подожди немного, я вас представлю.

Мара присела на краешек лежанки, Алые стражи встали по бокам от нее, продолжая охранять ее, как псы. Их немые шлемы и красные нагрудники вызывали у Мары знакомые приступы тошноты. Дурацкий красный цвет был повсюду.

Миркул распростер объятия перед стариком, они расцеловались и заговорили на очень быстром южном диалекте. Старик указал на скопление жриц около одного из лежаков, и Мара наконец заметила, что на нем лежало маленькое тельце. Княгиня даже чуть вытянула шею,

чтобы лучше рассмотреть, кто там, но тучные обнаженные тела старух двигались словно в каком-то странном хаотичном танце, мешая ей. От этого Мара начала выискивать что-то более полезное. Нож, к примеру. Сил расправиться с Миркулом подручными средствами ей не хватает, возможности сделать то же самое с собой не дает Всежива; так, может, стоит попытаться счастья еще раз и подыскать более удобное орудие против советника?

К ее разочарованию, в этом ярком помещении не нашлось ничего кроме песка и солнца.

Мара вздрогнула, когда услышала тихий голос рядом с собой. Обернувшись, она увидела ту самую лысую девочку с круглым вздувшимся животом и торчащими ребрами. Мара смущенно опустила взгляд из-за ее наготы, да и девочка, судя по плотно прижатым к корпусу локтям, тоже не чувствовала себя привычно в таком виде.

– Я плохо говорю, – произнесла Мара на южном диалекте. – Повтори, пожалуйста.

– Помощь-Розда? – медленно, но тихо произнесла девочка. – Помощь-нуждаешься?

– Я не знаю, кто тако й Розд.

Глаза юной жрицы округлились. Растопырив пальцы, она затараторила, но по нахмуренному лицу Мары поняла, что стоит сбавить скорость речи.

– Великий-бог, солнце-бог, всесильный, жестокий, красивый Розд, – медленно выговорила она, явно подбирая слова попроще. – Поклонись Розду.

Она пальцем указала на солнечный колодец. Мара подошла к нему, хрустко ступая по песку, а жрица засеменила босыми ногами вслед. Из колодца виднелось бесконечное голубое небо без единого облачка, глубокое и ядовито-яркое. Глаза заслезились от света, и Мара прикрыла их рукой. Тяжесть с новой силой разлилась по груди и затронула ей затылок, как будто заставляя склониться перед этим пустым небом и палящим солнцем.

На нее глядело что-то необъятно большое и полое.

Глазами северной княжны маленькая богиня смотрела на гигантского пустынного бога.

– А вот это – княгиня Марена, – Миркул оказался рядом с ней слишком резко, отчего Мара, только-только привыкнув к солнечному свету из колодца, стала озиаться слезящимися глазами. – А это Инок.

– Енох, – протянул ей раскрытую ладонь старик. Улыбка приятная, широкая, загар темноват и видны проплешины ожогов. А его говор безупречно северный. Мара в недоумении подала свою руку, и он поцеловал кисть. Тут же она дернула плечом от возникшего страха и отвращения перед незнакомцем, а он мягко кивнул ей в ответ и показал свои раскрытые пустые ладони. – Я бескрайне рад знакомству с вами. Наслышан о вашем роде. Север ни разу не видал, юг – мой дом, но лицезреть диковинку тех мест – удовольствие для меня.

Мара приоткрыла рот, слушая плавную, хриловатую речь Еноха. Миркул чуть приобнял ее, пытаясь отвести от колодца, но девушка стояла, как вкопанная, мысленно умоляя старика сказать еще что-нибудь. Хотя бы слово, хотя бы звук родной искусной речи.

– Инок, не хочешь присоединиться к нам сегодня на ужин? Думаю, тебе есть, что рассказать, – Миркул все-таки надавил на Мару и смог отвести ее от прямых солнечных лучей; она и не заметила, что затылок уже напекло. – Или вообще последовать дальше за нами. Мы идем в Хрисош.

– Хм. Неплохая мысль, нам как раз по пути, – он махнул рукой в сторону скопления жриц, продолжив говорить на северном. Миркул понимающе кивнул. – Завтра утром уже уедем, как она придет в себя. Но можете навестить нас после заката. Думаю, моя девочка будет уже на ногах.

– Опять сбежала в пустыню?

– Ага. Сегодня покажу, что она там нашла.

“Его девочку” звали Зарина, и ее он представил, как свою дочь. Маленькая, по-мальчишески худая и бритая наголо девушка выглядела не то на пятнадцать лет, не то на трид-

цать. Когда Мара вернулась в храм вечером, она увидела ее сидящей на алтаре и болтающей босыми пыльными ногами. Жриц тут уже не было, зато прямо на земле, под колодцем, из которого теперь сыпался лунный свет, раскинули покрывало, на котором лежали фрукты, овощи, бутылки с брагой и сушеное мясо. Несколько женщин, видимо, уже наевшихся и выпивших, лежали рядом с этим полотном и бодро разговаривали на южном. Енох сидел во главе “стола” и вяло поддерживал беседу, хоть и улыбался.

А в чернеющем углу стоял Дауд. Бледная его тень не колыхалась, взгляд направлен в затылок Зарине. Только войдя, Мара, не проронив ни звука, побежала в его сторону. Сердце ее пропустило удар, все тело зажглось от напряжения, истощенный, уставший разум заликовал. Вот он. Он здесь, он все-таки пришел за ней, вышел на след, и теперь ждет, когда они смогут вернуться домой. Миркул положил было руку ей на плечо, но она извернулась, подобно змее, зажмурилась от напряжения, а когда открыла глаза, то увидела, что то вовсе не Дауд.

Это другой нефилим. Длинноногий, длиннорукий, безликий, голый. Он стоял в этом углу с чуть-чуть приоткрытым ртом. Ловил воздух, запоминал запахи, контролировал все, что происходило в храме. Немногочисленные жрицы, ужинающие в противоположном углу, неодобрительно поглядывали на нефилима, но, кажется, никого он особо не волновал.

– А, рад вам, рад, садитесь, скорее, – улыбнулся Енох, приглашая Миркула к покрывалу.

– Инок, друг мой, о нефилиме стоило предупредить.

– Брось ты. Неужто и ты подвергся этим предрассудкам насчет этих малышей?

– Дело не в предрассудках, Инок. Есть другие... обстоятельства, – он многозначительно посмотрел на Мару, оцепеневше рассматривающую существо в углу. Нет, ей не могло показаться: это точно был Дауд. Она видела его темный камзол, его пронзительно-желтый взгляд, даже черную руку; она ни с кем бы не спутала его осанку, это, несомненно, был ее нефилим.

Но существо в углу не обращало на нее ответного внимания.

– Заря, – обратился Енох на южном к девушке, сидящей на алтаре, – увести-питомец.

– Нет! – тут же пришла в себя Мара. От ее вскрика даже вздрогнул Миркул, а уже от его вздрагивания напряглась и Алая стража. – Нет. Пусть останется.

Она вернула привычно тихий тон голоса, хоть это и далось ей с трудом. Щеки разгорелись от всестороннего внимания, и она, подобрав платье, аккуратно села на колени к покрывалу. Женщины посторонились, казалось, освобождая место для Мары, но к ней тут же под села Зарина. Почти вплотную, настолько, что Мара чувствовала запах ее тела: она пахла металлом, камнем, огнем, потом, еще чем-то мускусным и кислым.

– Видишь, Енох, не только мне нравятся нефилимы, – Зарина оказалась улыбчивой, голос ее раздавался по-детски игриво, отчетливо, благодаря чему Мара без труда разобрала все слова южного диалекта. – Я Заря.

– Мара, – она не подняла на нее взгляд, отчего Зарина с любопытством склонила голову. Слишком близко. Княжна даже ощущала ее горячее, быстрое дыхание и могла слышать сердцебиение в полуголой груди, сокрытой жалким подобием рубашки-безрукавки. Вообще все эти женщины выглядели странно. Грязные, загоревшие, пахучие, в причудливых шароварах и цветастых сорочках.

– Какая хорошенькая северянка, – Мара дрогнула, когда сухие и жаркие пальцы Зарины коснулись ее шеи, чтобы откинуть растрепанные волосы в сторону. Ей так хотелось смотреть на обожженное лицо княжны, что Зарина без стеснения прикоснулась к ее подбородку, пытаясь поднять взгляд девушки, – Енох, ну, ты видел, какова?

– Заря, – все еще по-доброму, но уже с чуть заметным нажимом произнес старик. Видимо, подействовал настойчиво недовольный взгляд Миркула. – Не трогай.

Хвала богам, она убрала руки. Сердце Мары чуть не выпрыгнуло из груди от ужаса перед чужими касаниями. Когда Зарина направила свое пылкое возмущение на Еноха, Мара наконец-то подняла взгляд, снова на тот угол, где стоял нефилим. По спине пробежал холодок,

когда она увидела желтые глаза столь близко. Он возвышался над ними, совсем неподалеку. Огромный, худой и жилистый, так непохожий на Дауда, но все же... всякий раз после моргания она видела его. Лишь на крошечную капельку секунд, но он мелькал перед ее глазами, заставляя осколки внутри впиваться глубже и глубже.

Сам же нефилим в упор глядел на Зарину; точно таким же пристальным, ощупывающим и стеклянным взглядом когда-то глядел на нее Дауд. Лишь в последний раз, когда она видела его гибель, глаза его выражали иное, человеческое и пульсирующе-теплое.

Горечь никуда не отступала, но от мыслей о нем стала стократ сильнее.

Они пили из полукруглых чаш и шумно разговаривали, их голоса слились в один непрекращающийся гомон, напоминающий птичий по весне. Пахло кислой брагой, настоящей лишь боги знают на чем: то ли на мясе, то ли на камне, то ли вообще на песке. От Мары не ускользнуло и то, что Миркул, сидящий напротив, вовсе не пил. Он подносил край чаши к губам, но когда ставил ее обратно на полотно, браги не убывало.

Происходящее плыло перед ее глазами, как горизонт в полуденный пустынный день. Все это казалось сном в бреду. Сейчас она проснется в своей постели, мама рядом накладывает ей смоченную в снеге тряпку со льдом, а у двери стоит Дауд, заложив за спину руки.

А Марк... Марк. Солгал ли ей советник? Мог ли так поступить с ней тот, с кем они играли прятки в лесу?

– Эй, ты нормально? – Зарина положила на нее руку. Мару словно обдало ледяной водой. Она вскочила на ноги, чувствуя, как онемела ее спина, как непроизвольно шея вжимается в плечи, как заклинило до трескучей боли позвонки. Здесь туманно и пахуче. Пьяные женщины, этот старый, охмелевший старик, Зарина – все вдыхали какой-то дрянной дым, пахнувший как тот отвар, каким ее опаивали по пути сюда. Их лица в лунном мраке выглядели смазанными и уродливыми. Лишь нефилим стоял отчетливой белой фигурой, четкой, неподвижной, заземляющей, настороженно глядя на ее резкие жесты. Щипало глаза, жгло легкие, им не хватало места в реберной клетке, как будто они раздулись. Но слезы стекали по ее лицу совсем не от дыма.

– Нет, не в порядке! – истеричный крик вырвался из ее горла. Она перестала контролировать речь и дыхание. Пальцы затряслись, задрожали колени, бедра жгло желание умчаться. – Я нихрена не в порядке! Я хочу домой. Миркул!!! ВЕРНИ МЕНЯ ДОМОЙ.

Что-то зашевелилось под ее ногами. Незримые, бестелесные змеи ползли к ней по песку. Их головы касались ее ступней откуда-то снизу, под каменной мозаикой пола, под песком. Она ощутила знакомое покалывание в пальцах, но на этот раз оно не рвалось наружу, оно хотело вобрать в себя.

Миркул встал, протягивая к ней руки. Енох смотрел с улыбкой, но другой, заинтересованной. Он не собирался ее останавливать, ему хотелось видеть, что будет дальше.

– Мы едем домой, – бархатно ответил советник. – Давай, тебе надо отдохнуть.

Он сделал шаг ей навстречу, наступив прямо на покрывало. Впрочем, на нем не осталось еды, а брагу они уже допивали.

– Эта проклятая пустыня – не мой дом, – Мара ужаснулась собственному рыку, который рвался не изо рта, а из самого центра груди. Кажется, все присутствующие здесь мгновенно протрезвели, когда что-то колыхнулось в воздухе вместе с ее словами. – Мой дом в ельнике. И ты немедленно, немедленно отвезешь меня...

Миркул бросил что-то на южном. Один Алый страж метнулся к ней, мягко, но быстро. Привычно, как это уже происходило ни раз при ее истериках, он протянул к ней увесистую руку в красной перчатке. Но тело Мары стало не ее телом, голос – не ее голосом. Ее худой позвоночник изогнулся, подобно змеиному, и она выскользнула в момент, когда его пальцы должны были сомкнуться на предплечье. Мара была готова поклясться, что собственными гла-

зами видела секундное замешательство, недоумение на неуловимом лице под шлемом. Он тут же снова попытался взять ее, но в этот миг даже разум Мары перестал быть ее разумом.

– Мой страж, мой Дауд восстанет из мертвых и придет за мной, – раздавался рокот ее тела, – мой Дауд – мертвый и добродетельный, убьет всех, на кого я укажу.

Сила, что стучалась из-под земли в ее ступни, вдруг опутала Алого стража. Видимые лишь ее глазу темно-зеленые колючие ветви впились в его ноги, раздробили, сжали до хруста доспех, нагрудник, наплечники, опутали шею. Алый страж попытался сорвать их с себя, но они неосязаемы. Не существовало никаких призрачных веток, и Миркул, Енох, Зарина, жрицы – все видели только красного солдата, в мгновение застывшего в неестественной изломанной позе. А затем рухнувшего на землю. Его вывернутые руки и ноги, помятый доспех свидетельствовали о том, что какая-то сила сломала его кости, которые казались неуязвимыми под толщами красного камня.

Ветки опустили его, вошли обратно сквозь землю и понеслись вслед за Марой. Она же выскочила из храма и побежала наугад по черным каменным и песчаным улицам крепости. Топ-топ-топ – дробью звучали ее сандалии, с силой ударяющиеся о дорожку. Она повернула куда-то, сама не понимая, куда: улицы освещены только редкими тусклыми факелами, от которых пахло гарью и алкоголем. Она отчетливо слышала, как грузным шагом за ней бежит второй Алый страж, и как вслед ей кричит Миркул на своем уродливом северном диалекте.

И, кажется, заливистым смехом раздавались голоса Зарины и Еноха. Им не хватало только прихлопывать в ладоши от восторга перед развернувшимся действием.

Поворот и поворот. Глухая стена. Мара ощупала ее, найдя щель. Не стена, а настоящая скала, цельный камень, уходящий под самый потолок крепости. Мара пролезла в эту щель и продолжила идти вдоль по ней. Сердце ее колотилось вместе с шагами Алого стража, настигающего его. Он ближе, ближе, ближе, во тьме, в крошечной непроглядной дымке, воняющей потом, песком и камнем.

Мара упала, вывалилась из расщелины, приземлившись на колени и ладони. Проползла вперед и поняла, что каждое ее движение отзывается шорохом-эхом. Здесь много пустого места, и, что куда важнее, под ее ладонями, под песком колыхалась жизнь.

Мара ощутила яблоневое семя. Услышав ее зов, оно тоже затрепетало в ответ, порываясь вверх, жаждающая очутиться тут, в темноте и пустоте. Куда же ты рвешься, маленькое, глупое семечко, здесь нет ни солнца, ни воды?

Семечко лишь отвечало, что хочет жить даже без света, даже без влаги, лишь бы вкусить эту самую неизвестную жизнь в виде яблоневого деревца.

Мара встала на ноги, услышав за своей спиной скрежетание доспеха. Алый страж положил ладонь ей на плечо и начал заламывать ей руки.

– Марена, хватит бороться, – Миркул ввалился вслед за стражем и принес с собой факел. Глупые горячие блики заплясали на каменных неровных стенах пещеры. Мара согнулась под тяжестью хватки солдата, но разум ее не сломался. Она слышала непрекращающийся звонкий голос яблоневого семечка. Кто-то проронил его здесь много лет назад, оно высохло, но все еще может дать плоды.

– Алые стражи – это люди, слитые с доспехом воедино, – проговорила вдруг Мара. Склоненная под весом стража, она чувствовала, как собственные волосы ниспадают вниз и щекочут ее ступни, касаясь самого песка. – Их кровь переливается в доспех, а доспех дает жить человеку. А кровь – это влага.

Все мы почва. Да, да, да, с этим можно творить.

Семечко вырвалось из-под земли неестественно огромным стволом. Сначала узкие, но постепенно уплотняющиеся корни расползлись под ее ногами вместе с незримыми зелеными ветвями. Сила сорвалась с кончиков пальцев Мары, превращаясь в остроконечное дерево. Оно вонзилось в тело Алого стража, подняло его вверх, как мягкую игрушку, сливаясь с его мясом,

с его доспехом. Кора вонзилась в его плоть и проросла в позвоночнике. Ветки раздробили его плечи, раскачиваясь по всему пространству пещеры. На ветках повисли алые, светящиеся сочные плоды, мясистые и вкусные.

Спасибо, спасибо, спасибо – так пело яблоневое деревце, напитанное плотью и кровью Алого стража. Его доспех, изуродованный, как и тело, навсегда слился с деревом, и теперь вечно будет питать его своими соками.

Миркул оцепенел под кроной этого дерева, а Мара невольно покачивалась в такт ветвям и редкой листве, чувствуя, как сила медленно вытекает сквозь ее пальцы и ступни, отдаваясь этой яблоне. С высоты на нее смотрел слегка помятый шлем Алого стража, как будто у дерева теперь было лицо.

Это было творение. Уродливое и живое.

– Ну дела, – раздался голос Еноха. Все такой же смешливый. – Что, братец, нужна помощь?

– Я привела своего, – это говорила Зарина. Сказала это, и тут же замолчала, видимо, уставившись на дерево.

Миркул не ответил. Зашелестели по-кошачьему мягкие, знакомые, уютные шаги. Открыв глаза, Мара увидела перед собой Дауда. Она протянула к нему руки и обхватила за тело, прижавшись щекой к его холодной твердой коже.

– Я знала, что ты перестанешь быть мертвым и придешь за мной. Знала.

Она пробормотала это ему в живот и блаженно улыбнулась. Здесь было то, чего ей так давно не хватало: ее любимый нежный нефилим и дерево, выращенное собственными руками. Скоро она будет дома.

Миркул, Зарина и Енох, стоя у расщелины пещеры, глядели, как Мара обнимает незнакомого ей нефилима.

4. Кормление тигров

Караван Еноха состоял из женщин. Женщины были к ней добры. Они угощали ее сушеными фруктами, которые Мара редко ела в Еловой крепости (они оказались слаще, чем свежие, иногда даже приторно-сладкие), играли на музыкальных инструментах по вечерам, когда караван останавливался на ночь и закольцовывался змеей. Некоторые, более юные девочки, пытались нарядить ее в цветастые легкие наряды, нелепо выглядящие на ее бледной тонкой коже с синими венами.

Но больше всего ее внимание привлекала Зарина. Неясно, сколько ей было лет: вечно обжигающие солнечные поцелуи изрезали ее лицо мелкими морщинами, особо заметными, когда она смеялась и улыбалась, а Зарина делала это постоянно. Было в ее лице что-то непривлекательное, но манящее, как и в лицах всех остальных южанок каравана. Какая-то неправильность, искаженность, придающая ей одновременно старческий и юный вид.

Только лицо Еноха оставалось идеальным. Старческим, но красивым.

Миркул не возражал, когда Мара садилась за общий котел и ела пряную еду, которую готовили местные старухи. Не возражал, когда Зарина показывала ей свою коллекцию луков, стрел и ножей. Даже ничего не сказал в момент, когда южанка разрешила Маре уснуть в ее кибитке рядом с нефилимом, стоящим у входа, завешенного плотными синими тканями с золотистой россыпью грязных мелких звезд. Маре успокаивалась, когда рядом бодрствовал нечеловеческий бледный наблюдатель, немой, сухой, как камень, пугающий всех, у кого рассудок был в порядке.

Мару радовало простое обстоятельство ее нынешнего существования: когда ночью она просыпалась от очередного кошмара, она распахивала глаза и успокаивалась хотя бы на одну неосознанную секунду, когда ей казалось, что Дауд рядом.

– Какой он, этот Дауд?

Зарина любопытствовала однажды, когда они очередным пылким вечером сидели около общего котла. Неподалеку женщины играли на дудках и барабанах, некоторые танцевали, высоко подбрав подола своих шароваров и юбок, обнажая худые ноги с заметными сухожилиями под коленями.

– Он похож на человека, – Мара слегка пожала плечами, глядя вниз, на свои раскрасневшие до крови пальцы. – Не такой, как твой нефилим. Внешне... у него есть нос, веки, уши, губы. Он моргает и иногда кажется, что дышит.

– Так он не совсем нефилим?

– Он совсем нефилим, но сделан для меня. Сделан таким, чтобы... чтобы я могла быстрее к нему привыкнуть. И не бояться его. Но... даже если бы в нем не было этих человеческих черт, мне было бы все равно. Он был лучше всех. Лучше всех, кого я знала.

Зарина хихикнула и наклонилась к ее плечу с заговорщическим выражением лица. Ее слегка раскосые смешные глаза хитро сузились.

– Эх, девочка, ты говоришь о нем, как о любовнике, а не как о страже...

Мара прикусила внутреннюю часть щеки, ее глаза застыли на крошечной кровавой капле в уголке ее ногтя на большом пальце. Нужно отодрать этот заусенец. Он все равно мешает ей. Она все равно сделает это, рано или поздно, и это будет одинаково больно.

Мара дернула. Кровавая капля стала больше, а кусочек кожи оказался под ногтем на ее указательном пальце.

– Я бы хотела, чтобы он был таким.

Зарина застыла с широкой хищной улыбкой на губах. Мара приготовилась к звуку отвращения, насмешке, но точно не к тому, что она сказала без тени сомнения.

– Понимаю.

– Понимаешь? – она взметнула на нее широко раскрытый взгляд. Зарина беззастенчиво поймала его и склонила голову вбок, как любопытная причудливая птица.

– Они красивы, да? Как звери, а не как мужчины, – Зарина обернулась на ее собственного нефилима, стоящего поодаль. Мара знала, что он слышит их – безупречный слух нефилимов, наверное, улавливал, как ящерица копошится в песке за кольцом каравана. – Идеальные создания. Ничего лишнего, совершенные существа, созданные для выполнения одной единственной задачи – убивать. И как же хороша мысль, что нефилим может... возможно, способен выйти за рамки своего предназначения. По крайней мере, я в это верю.

Мара выслушала ее с непроницаемым выражением лица, потом взглянула на белую фигуру нефилима, все такого не неподвижного.

И хоть Зарина, наверное, была единственным человеком во всем мире, кто не ужаснулся мыслям Мары, она была также дальше всех остальных людей на свете от ее понимания Дауда. Зарина видела в нефилиме тварь, которую хочется сломать и приручить.

Мара видела в Дауде... ну, пожалуй, весь мир, если не больше?

– Откуда у тебя он? Тебе его подарил Енох или...

– Подарил? Нет-нет, старику нет дела до нефилимов, – Зарина отмахнулась и сунула в рот кусочек сушеного мяса, такого соленого, что от одного вида его у Мары рот наполнился водой. – Их можно легко найти около Машинной крепости. Там их раскидано по округе, как песка в пустыне.

– Раскидано?

– Ну да. Там часто происходят стычки. Нефилимы сражаются с Алыми стражами, с людьми, друг с другом – зависит от того, на чью сторону купили особь. Иногда мне попадаются раненные или полуживые. Я забираю с них договор и...

– Забираешь Договор? – Мара моргнула и покачала головой, пытаясь уместить в сознании все то новое, что только что вывалила на нее Зарина.

– С их спины. – Зарина подскочила на свои тонкие ноги и подошла к своему нефилиму, взяла его за запястье и подвела ближе. – Давай. Взгляни.

Мара поднялась на ноги – они ноют от постоянного сидения на одном месте. Обошла существо со спины и, затаив дыхание, рассмотрела ровную поверхность его тела.

Там, где у Дауда бы находился договор, расплзлись оголенные белые волокна мяса.

– Ты срезала с него кожу... – странное осознание осело тяжестью в груди, словно на нее положили камень. У Мары дрогнули пальцы от желания коснуться тела нефилима; плоть выглядела влажной и болезненной.

– Он сейчас неразумен и слушает каждого, если достаточно подтолкнуть. Безобиден. Как будто... – Зарина постучала себя кулаком по голове, раздался гулкий звук, – как будто у него там...

– Пусто... – повторила Мара. Она поднесла указательный палец к спине и коснулась. Плоть влажная и теплая. Нагрелась на солнце. – Ты сделала из него вещь.

Зарина криво ухмыльнулась.

– А был он кем? Оружием. И, в конце концов, если нефилимы умеют выбирать – то я дала ему выбор.

Мара знала, что они приближаются к чему-то, что местные называли “рай”. Слово срывалось с южного диалекта не рыком, а ласковым кошачьим мурчанием, благоговением, почтением. “Рай” гудел у нее под кожей, словно муравьи ползали по рукам и ногам и копошились в кончиках пальцев. Это знакомое и одновременно чуждое ей чувство: одновременно как в Еловой крепости, когда она гуляла по своему саду, и в то же время схожее с тем, что она испытывала там, в пещере в железной бочке, где вырастила первое яблоневое дерево на крови и плоти Алого стража.

Рай тоже оказался крепостью. Стены – не металлические, а каменные, но не из металла, а обычного, серого, шершавого и матового. Ворота представляли собой длинный узкий тоннель, через который можно было пройти только по одной повозке. У ворот стояла Алая стража и несколько человек; на стенах тоже виднелись красные солдаты и лучники, как ястребы, наблюдающие со своих насестов за приближающимся караваном.

Мара уже знала, что внутри. Муравьи под ее кожей взбесились и стали прогрызать себе путь наружу. Ей не сиделось на месте, ноги беспокойно топтались по крыше фургона, куда ее вытащила Зарина, чтобы полюбоваться видом большой аккуратно сложенной крепости.

Внутри молчаливо стоял лес. Мара знала это так же точно, как знала, что небо голубое и едкое, а песок сухой и колючий.

– Туда нас не пустят, – весело и одновременно странно обреченно вздохнула Зарина. – Это место под... протек... протект... про... ай, иди все в небо, под защитой Хрисош.

– Заря имела в виду, – Енох поднялся по ступенькам наверх фургона с прытью, не свойственной старику в его годах, – под протекцией. Каждый из Раев принадлежит напрямую Хрисош.

Караван начал колебаться неподалеку от ворот в Рай. Миркул, обитающий в собственной отдельной кибитке вместе с прислугой и Хатифой, нашел Мару в сопровождении Зарины и Еноха на крыше их повозки.

– Инок! Марена сегодня ночует в Раю. Уж извини, мне придется забрать у твоей дочери новую подружку.

Зарина неизменно улыбается Маре, откидывает волнистые жидкие волосы с загорелого лба. Подмигивает, как будто Миркул предлагает ей не очередную ночевку боги знают где – посреди пустыни, – а смешную и хитрую затею, которая ее позабавит.

– В Раю хорошо, – говорит Зарина весело и непринужденно. – Я была там пару раз. Оттуда не хочется уходить.

– Едва ли Рай впечатлит Мару, мое солнце, – ухмыльнулся Енох, погладив Зарину по выгоревшим кудрям. – Госпожа Еловой крепости искушена в лесах, травах и плодах земли. Не так ли, Мара?

Это было так. Рай – целиком подчинен людям, работавшим внутри крепости.

Пройдя через длинный путь от ворот, Мара в сопровождении советника и Алой стражи оказалась в выверенном до мелочей идеальном мире, где все работало так же слаженно, как кузнецы над искусным доспехом или сенокосцы в поле, полном колосьев. Высокие плодовые деревья стояли вдоль дорожек и закрывали своими густыми, обгоревшими в высоте кронами землю от палящего солнца. Проложенные деревянные дорожки для маленьких ручейков орошали вездесущие грядки, на которых росли цветы и корнеплоды. От движения здешних работников колыхались кусты смородины и малины, под ними росли усики клубники и земляники, вдали виднелись укрытые от солнечных лап теплицы, где прорастали на стройных идеальных ровных грядках кустики с овощами.

“Ка! Ка-а-а-а!”. Мара запрокинула голову, увидев перелетающего с дерева на дерево павлина. Хвост сложен, клюв издает совсем не величественный звук, похожий, скорее, на кудахтанье, чем на пение райской птицы. Даже петухи в придворной деревне и уж точно серенькие невзрачные соловьи, пели куда лучше причудливых крупных птиц.

В раю стоял вечер. Полуденная жара спадала, заменяясь удушающим красным вечерним зноем.

Повсюду кипела работа. Люди проверяли системы полива, собирали плоды в огромные корзины, уносили в амбары и сортировали там по еще большим корзинам. Некоторые шустрые худые парнишки сгоняли с ветвей цветастых громких попугаев, которые норовили украсть некоторые плоды. Возле каждого амбара раскинулись загоны с ящерами, груженными продук-

тами или целыми телегами. Некоторые из них покидали крепость через другие выходы, некоторые – въезжали внутрь с пустыми сумками.

А вдали виднелись жилые сооружения, аккуратные, нагроможденные друг на друга домики, а за ними – густой, яркий, сочный зеленый лес.

Загорелые темнокожие люди с любопытством озирались вслед Маре. Миркул шел впереди их цепочки, гордо подняв голову и властно оглядывая маленький Рай посреди пустыни.

– Ну, как тебе, Марена? Таких Раев у нас всего шесть по всему Крайнему Югу. Везде налажено сообщение с Хрисош – отсюда мы поставляем товары для купцов нашей столицы, – он широким жестом обвел ближайшие грядки, на которых, согнувшись, работали женщины в цветастых одеяниях. В этой жаре и духоте с них даже не стекал пот. – Мы гордимся созданными нами Райми. Мы смогли приручить мелкие оазисы в пустыне, прорастить их и превратить в богатые дары для нашего народа.

Мара остановилась около дерева – ребристой пальмы, упирающейся в бесконечно высокое небо. Юноша лет эдак двенадцати сидел наверху, плотно обхватив тонкими руками и ногами ствол и вбивал с него твердые чудаковатые плоды. Там же, в высоте, недовольно верещали пушистые маленькие комочки, в которых она узнала, пусть и отдаленно, макак, прямо как с картинок в ее книжках.

– Так Рай... оазисы... существовали и без вашей руки?

Миркул отпустил улыбку с лица, прекрасно понимая, куда клонит молодая княжна. Мара хорошо знала, что раздражает его своими умозаключениями, но в этом и было ее извращенное удовольствие. Хотя бы так она могла досадить ему.

– Мы сделали порядок из хаоса.

– Вы заключили природу в камень.

– Это одно и то же.

Миркул сделал жест рукой и сказал что-то Хатифе на южном, пока Мара не выдала еще какую-нибудь колкость. Хатифа согласно закивала. Мара уже замороженно смотрела, как юноша с ловкостью тех же маленьких обезьянок спускается вниз по стволу дерева.

– Хатифа проводит тебя на постоянный двор для купцов. – Миркул посмотрел на нее холодными черными глазами. – И... Мара, води себя хорошо. Эта крепость заполнена стражей. Попытка очередного бунта будет подавлена, сколько бы жертв она не понесла. Я надеюсь, в твоей маленькой головке хватит ума, чтобы понимать – перебей ты хоть весь Рай... вокруг тебя пустыня. И Розд тебе не благоволит.

Розд ей правда не благоволил. Это Мара поняла еще с момента, когда почувствовала тяжесть в затылке, глядя на небо через солнечный колодец в той крепости-бочке. И здесь, в каменном доме, душном и пахнущем специями и пересоленным мясом, она ощущала на плечах тяжесть этой духоты. Он душил ее, давя на грудь и сжимая ее глотку.

Хатифа усадила ее за стол внизу постоянного двора, если столом можно было назвать застеленную пыльную ткань прямо на полу, да подушки, выложенные вокруг полотна. К вечеру Рай оживал: появлялось больше людей, явно только что проснувшихся; они спускались из своих комнат вниз, где им раздавали еду: сухой рис, овощи, немного бульона и мясо.

Паек Мары богаче, и она остро ощущала на себе взгляды местных работников. Она ковырялась в отварном рисе без интереса, подперев голову рукой. Под ее кожей все еще копошился зуд, столь знакомый и одновременно не похожий на то, что она испытывала в Ельнике, нездоровый и какой-то... ненастоящий?

– Так это юная северная госпожа?

Она услышала юношеский голос справа от себя, говорящий на очень ломанном северном диалекте. Хатифа встала из-за стола и поклонилась. Мара метнула взгляд в сторону, увидев перед собой парнишку лет шестнадцати или семнадцати, в добротном темно-синем легком

кафтани, кожей, цвета дубовой коры, с кудрями, такими, которые напоминали ей о Марке. Юноша поклонился Хатифе и поклонился Маре, когда встретился с ней глазами.

Хатифа ответила на южном, и, как поняла Мара, она представила ее.

– Аааа... – певуче протянул юноша и поклонился еще раз, словно нервничал. – Марена. Я Амир... смотритель этого Рая.

Мара тут же пригляделась с куда большим интересом. Смотритель? Какими бы ни были его обязанности, для смотрителя он выглядел больно юным. И эта глупая белая улыбка на его лице совсем не похожа на то, что должно быть у “смотрителя”.

– Миркул в зале собраний. Он велел мне развлечь вас прогулкой по Раю, северная княгиня.

Он опять поклонился, приложив руку к груди. Мара нахмурилась. Это начинало раздражать. Судя по выражению лица Хатифы и по тому, как она закатила глаза, не ее одну.

– Миркул уже показал мне посевы и сады, пока мы шли сюда, – Мара точно не звучала впечатленной здешними красотами, и Амир растерянно моргнул, глядя на ее бледное лицо. И даже это в нем раздражало: то, как он пялился на ее кожу, как это делали все в Раю.

– А показал ли он вам животных?

– Животных? Я видела павлинов, попугаев и обезьян.

Амир лукаво улыбнулся, заметив огонек любопытства в ее взгляде.

– Здесь мы разводим тигров. Антилоп. Носорогов. У нас есть водоем с крокодилами и...

– Идем.

Мара отодвинула тарелку риса с овощами от себя и встала со скамьи с решительностью, которая точно не была присуща ее вялому состоянию всю поездку. Но обещание зверей? Тех, которых она видела только на рисунках в своих книжках-историях про диковинный Юг? Этим ее можно было сманить.

Амир, радостно улыбаясь, словно она только что вручила ему благословение Розда, поклонился (опять) и жестом пригласил ее следовать за ним.

– Сейчас вечер, так что тигры выйдут на плановую кормежку, – увлеченно говорил он, коверкая слова северного диалекта, – антилопы и павлины уже спят, но вы сможете увидеть их издалека.

Мара следовала за ним по оживленной крепости, стараясь не обращать внимания на то, как покалывала ее кожа от всеобщих взглядов. Амир вел себя чересчур услужливо, бессмысленно болтая с ней на таком жутком диалекте, что она едва могла различать отдельные слова. Он все время кивал и разводил руками.

Тигры. Полосатые большие кошки раскинулись под последними солнечными лучами на поляне внизу, в широком лого среди тропических деревьев и маленьких озерц, выкопанных в песке. Как крошечные, и одновременно большие, словно тряпичные игрушки, рассыпанные каким-то гигантским ребенком, они лениво грели свои бока. Мара подошла ближе к высокому каменному ограждению, почти перегнувшись через него, с наивным любопытством, затаив дыхание, рассматривая больших кошек.

– Аккуратнее, госпожа, не упадите, – ласково предупредил Амир, его руки зависли над талией Мары на случай, если она вдруг решит упасть за ограждение. Не касаясь, лишь предостерегая.

К тиграм запустили несколько кур. Кошки лениво подняли головы и без особого рвения принялись гонять птиц по лужайкам. Мара наблюдала с горящими глазами за тем, как один из молодых тигров зажал курицу лапой и начал лениво ее покусывать, пока птица билась под его когтями.

– Я не видела тигров в пустыне, – затаив дыхание, произнесла Мара. Она вообще не видела тигров. Она не видела даже северных животных родной крепости: ни волков, ни медве-

дей, ни барсуков – все они обитали где-то глубоко в лесах, таких запутанных, темных и далеких, что туда уходили лишь редкие охотники.

– Тигров нет в пустыне, – небрежно ответил Амир, уже перестав окончательно стараться над своим произношением. – Там только ящеры и дикие желтые антилопы в избытке. Да и то... они стараются не показываться людям.

– Откуда же тогда... – она не отрывала взгляд от тигра, который хрустел тонкими куриными косточками и, вертя головой, пытался выплюнуть перья, липнущие к языку.

– Прочие животные всегда обитали только в оазисах. Когда мы пришли сюда – они уже были здесь.

Покалывание в пальцах снова дало о себе знать. Мара поморщилась, но не от того, как тигр поглощал курицу, а от того, как спокойно, словно то было само собой разумеющимся, Амир сообщил ей об этом.

– Так вы... поработили их?

– Поработили? Розд милостивый, – Амир нервно хихикнул и поднял руки в обезоруживающем жесте. – Мы облагородили эту землю. Зверям даже ни о чем не приходится думать – мы сами ухаживаем за ними. Когда Хар Шалай посещает нас, он особо любит наблюдать за большими кошками...

– Хар Шалай бывает тут?

– Время от времени от ездит по Раям, проверяя, как тут дела, встречаясь со старыми знакомыми и...

Амир вдруг замолчал и посмотрел куда-то в сторону стены крепости. Мара тоже устремила взгляд туда; шум работников на огородах и теплицах, их разговоры, вдруг стали куда более хаотичными, громкими и встревоженными, хоть она и не понимала их слов.

–...и устанавливая новые торговые соглашения, – продолжил Амир, вернув свой взгляд к Маре и тонко улыбнувшись. Боги милостивые, ну каким же не изысканно витиеватым был язык этого мальчишки!

Шум от стены нарастал, вдали мелькали фигуры работников, которые хватали корзины и отбегали к амбарам, толпились там. Амир вел себя так, словно этого не происходит.

– Люди чем-то напуганы? – напряженно поинтересовалась Мара, ее пальцы сжали каменные перила ограждения.

– Это... – Амир махнул рукой в сторону стены. – Это обычная тревога. Наверное, у стен опять собралось какое-нибудь восстание из соседних крепостей.

– Восстание? – Мара покачала головой, посчитав, что она ослышалась, и ужасающий акцент Амира ввел ее в заблуждение, но он только утвердительно кивнул. – Очередное? То есть... были и другие?

– Это происходит часто. Разве на севере не так?

Мара попыталась вообразить людей, толпящихся у стен Еловой крепости, но такая история просто не шла ей в голову. Не было ни единой вероятности, при которой князь Руяна послал бы своих людей на Ельник, или горняки спустились со своих суровых земель, как захватчики, а не как желанные гости.

– Никогда, – пробормотала она, напряженно глядя на вершину стены, откуда Алые стражи обстреливали из луков что-то вниз. Ноги Мары двинулись в ту сторону – взглянуть, узнать, что сподвигает людей ползти на стену Рая, но ответ и так уже осел в ее затылке. Голод. Жажда. Единственный клочок плодородной земли на многие дюны отсюда, заключенный в кольцо камня и железа и недоступный никому, кроме самого Хар-Шалая.

– Вам нельзя на стену, – мягко возразил Амир, встав прямо перед ней и преграждая ей путь. Мара покачнулась на тонких ногах, словно одно его резкое присутствие могло сбить ее с ног. – Беспокоиться не о чем. Восстание подавят за ночь, не позднее.

– Они никогда не прорывались?

– Никогда, – тонко улыбнулся Амир. – По крайней мере, на полутора годах моего правления.

По его сдержанной кислой улыбке Мара поняла затаенную полуправду: они прорывались. Не при нем – при других зрителях Рая, но следы восставших когда-то были на плодородной земле.

Амир вернул ее в постоянный двор, где ее ждала Хатифа. Женщина молчаливо сложила на ее постели, расположенной прямо на полу (что, по сути, было просто грудой подушек и тонкими простынями), ночную рубашку, тонкую и легкую. Мара посмотрела на Хатифу, что стояла у дверей ее комнаты со скрещенными на груди руками, и покачала головой.

– Не хочу переодеваться.

Хатифа выругалась, бегло и агрессивно, и всплеснула руками, но не стала возражать. Она вышла, оставив платье на том же месте.

Мара села на простыни. Пол твердый и теплый, в комнате душно, а из-за вездесущих теплиц и растений за пределами этого здания, на стенах скапливались капли влаги, а по углам ползла черная плесень. Если закрыть глаза, то казалось, что тут пахнет погребом, как...

...как дома. Как бы то ни было странно и отвратительно, Мара вдохнула этот запах и упала головой на твердую подушку, плотно набитую какой-то соломой.

И хоть ее бунтующий разум все еще сопротивлялся каждому слову и жесту, каждому вдоху в этом проклятом богами месте, Мара истощилась, устала и не заметила, как провалилась в тревожный глухой стон. Недолгий.

Ночь разлилась плотным удушающим покровом. Мара проснулась от того, что в ее комнату, нет, не постучали, а вломились Алые стражи. Она поднялась на локтях, ее сердце забилося из-за резкого пробуждения и волны паники.

За окном слышались крики и какой-то грохот. На каменных стенах ее комнаты плясали отблески пламени. Тревожные молниеносные идеи закопошились в ее голове, как мухи, догадка за догадкой за долю секунды. Худшее подтвердилось, когда из-за спин Алых стражей вынырнул Миркул в развевающемся от быстрого шага кафтане.

– Вставай, – он сказал это громко, нетерпеливо и, не дожидаясь ее действий, поднял ее, обхватив за запястья. – Сейчас тебе нужно сделать все то, что я говорю, без вопросов, возражений, без...

– Восстание в крепости? – выпалила Мара, глядя в глаза Миркулу. Странная тревога, не ужас, а что-то куда худшее, разливалось по ее груди.

– Проклятая девчонка, Розд тебя побери!

Мара не видела Миркула таким встревоженным. Он, не отпуская ее запястья, выглянул в окно, ругаясь так же искусно и быстро, как обычно ругалась Хатифа.

– Почему не ответишь?

Миркул крикнул что-то беглое Алой страже, и один из воинов подхватил Мару, закинув ее на плечо. Она издала возмущенный вскрик, живот сдавило его наплечником, но она повисла безвольно от нехватки сил и малейшего шанса вырваться.

Ее вынесли из дома на улицу. Тело обдал жар.

Не солнечный, а настоящий, от дикого огня, бушующего тут и там. Вот, что так терзало ее грудь с самого начала – огороды, теплицы, сады горели. Деревья ныли о помощи, колыхались сочные листья плодовых кустарников, поглощаемые огнем. Люди выбегали из раскаленных каменных домов, которые теперь больше походили на печки, где можно было изжариться заживо.

Павлины и попугаи с криками метались в лесах, под ногами пробежали обезьяны, неуклюжие, но торопливые, метаясь от ствола к стволу, и не находя ни одного безопасного места.

Алые стражи разделились – один понес ее влево, к амбарам, где в загонах беспокойно бились ящеры; второй, взвалив на плечо какой-то небольшой тюк тряпья, помчался в противоположную сторону. Тревожный быстрый ум Мары осознал, что это – отвлечение. Но от кого?

Алый страж неся быстро, она еще никогда не видела, чтобы эти груды красного камня могли бегать с такой скоростью. Он направлялся к загонам с ящерами, и в тряске Мара успела только мельком углядеть, что несколько животных были заседланы, и вокруг них панически копошились слуги, пакуя тюки.

Но в другой стороне мелькнула белая стрела. Алый страж, который нес тюк тряпья в противоположную сторону, вдруг споткнулся, но не от того, что нога налетела на камень. На глазах Мары его нога надломилась, неестественно изогнувшись, и он, хромая, попытался продолжить свой бег. А на его спину откуда-то сверху прыгнул нефилим.

Нефилим. Ее сердце забилося где-то в горле, и она дернулась в хватке Алого стража, он лишь сжал руку на ее пояснице, сильнее вдавливая ее живот в наплечник.

– Отпусти!

Она взвизгнула на северном, ее речь прорезала душный воздух, полнящийся криков и голосов.

Вторая белая вспышка. Еще один нефилим пронесся где-то сверху, словно пикирующий сокол. Двое! Алый страж качнулся, свободной рукой ограждая себя от атаки, его доспех лягнул как раз на стыке брони. Еще один удар. Мара видела только проносящиеся бледные когти и желтые глаза, мерцающие неестественными огнями тут и там – Алый страж, удерживая ее на плече, бился с нефилимом. Мара заерзала снова, и в какой-то момент ей удалось выскользнуть из его грубой руки, как налим из рук неумелого рыбака. Она упала на землю с тихим “уф”, поднялась на ноги и обернулась.

Кровь брызнула ей на лицо, как дождевые капли. Алый страж схватился за горло: из щели между шлемом и нагрудником бил алый фонтан. Нефилим выдернул когти из его плоти, и Мара уже была готова броситься в его руки, сама не зная зачем, лишь бы не быть здесь, не стоять в умирающем Раю посреди гулкой пустыни, не бродить тут и там под взглядом ненавистного Розда.

Алый страж рухнул замертво, на его доспехах отражались блики вездесущего пожара, который начинал душить ее горло едким дымом.

“Забери меня, забери, забери, забери”, – колотились мысли в ее висках, когда она сделала шаг, один, другой к нефилиму, летящему ей навстречу. Его пасть разверзлась, как черная глухая печь, и, боги видят, Мара была готова нырнуть туда, как в полынью. Пусть он ее пожрет.

– Дура, назад!

Голос Миркула еще никогда не звучал так повелительно и низко. Мужчина возник из ниоткуда, вскарабкался в два длинных прыжка на Алого стража и встал против нефилима, вооруженный изогнутым красным клинком.

– Я уйду с ним! – до хрипа громко крикнула Мара, стоя на дрожащих ногах. Колени и ладони ныли от падения на каменную кладку земли, но она нисколько не замечала жжения.

– Ты дура, – прорычал Миркул, сжимая рукоятку меча. Он даже не смотрел на Мару, он хищным взглядом следил за нефилимом, который сейчас, словно зверь на охоте, обходил Миркула, медленно, оценивая опасность, как делал Дауд, когда видел врага впервые. – Он пришел не спасать тебя, а убить! Беги к загонам, Мара!

О, как будто Мара этого не понимала. Конечно, нефилим хотел ее убить – он раздробит ее кости, невозвратно надкусит ее шею, и уже никакая Всежива не сплавит ее плоть воедино. Этого Мара и хотела, и при всей своей хитрости и мудрости Миркул выбрал самый ничтожный довод для ее спасения.

– Пусть будет так! – она крикнула, ее тело устремилось в руки к нефилиму. Миркул, ругаясь сразу на двух диалектах, принялся одновременно отпихивать Мару, толкая ее плечами

и ногами, как назойливого щенка, и одновременно с этим отбивать атакующие когти нефилима. Советник предстал перед ней в совершенно ином свете: он сражался, как воин, легкий, быстрый, подобно огненной птице при всей его не сдерживаемой ярости.

– Госпожа!

На резвом тонконогом коне Амир пронесся мимо нее и, не дожидаясь ни ее ответа, ни прочего согласия, подхватил ее на седло. Конь не сбавил галопа, лишь захрапел и, напротив, ускорился, и его острые копыта отбивали быструю дробь по взъерошенной каменной дорожке.

Удушье. Глупый, глупый ужас терзал ее живот и скручивался змеей под ребрами – ужас, не дающий ей снова окунуться в смерть, где она уже однажды искала Дауда. Уродливая и такая желанная мысль – броситься в пасть нефилиму и найти покой. Но она ведь его не нашла.

За ее спиной плотной стеной щитов сомкнулись Алые стражи. Она оглянулась лишь на песчинку времени, посмотреть назад, но увидела не одного, не двух, а целых трех нефилимов, свободно скачущих, как белые следы падающих звезд, от дерева к дереву, от дома к тому, среди каменных стен Алых стражей. Каждая пара глаз устремлена на нее, безмолвная, дикая, непреклонная в своем желании добраться до Мары. Нефилимы неохотно замечали Миркула, так отчаянно пытающегося привлечь их внимание криком и размахиванием меча; советник точно не был глуп, но отчего-то так отчаян, что готов рисковать собственной шкурой ради спасения северной княгини.

Ей хватило одного взгляда, чтобы понять: Миркул не врал, нефилимы пришли за ней; они смотрели на нее так же, как Дауд смотрел на своих жертв, и впервые Мара почувствовала себя добычей нефилима, а не его драгоценностью.

Что хуже – ее это даже не напугало.

Возле загонов ее и нескольких ящеров взяли в плотное кольцо щитов. Амир отпустил ее на землю, конь загарцевал, захрапел, заметался в клетке их Алой стражи. Красные вспышки тут и там, жар пламени, вой погибающих деревьев – все это оглушило ее до состояния полной неосознанности. Теплые влажные руки Хатифы пихнули ее к седлу, Алый страж подтянул ее на ящера, усадив перед собой.

– Госпожа Марена! – голос? Мара моргнула, тряхнула головой и прижала руку к груди, пытаясь унять дурацкое сердцебиение, заставляющее ее задыхаться. Говорил Амир, Амир, мелькающий перед ее лицом и цепляющийся за поводья ящера, который тревожно топтался на месте. – Слышите меня? Посмотрите на меня, это важно!

Он впервые дотронулся до нее вот так – грубо схватил ее подбородок, буквально заставляя их взгляды сцепиться.

– Да... да, да, я слышу... – сумела пробормотать она одними губами, пересохшими и потрескавшимися.

– Стража уведет вас из Рая. Я послал грифа в караван Еноха. Вас там подхватят и уведут. Миркул... доберется до вас позже.

Она даже не кивнула. Стена щитов разомкнулась ровно настолько, чтобы дать пройти ящеру; Алый страж ударил его по бокам пятками, он фыркнул и понесся вперед. Другие такие же ящеры, оседланные Алыми стражами, бросились врассыпную к другим выходам из Рая.

Что-то врезалось в бок ящера, и когда Мара повернулась туда, удерживаясь за луку седла, она увидела, как меч Алого стража прорезает плоть нефилима, вонзившись в его живот и вспарывая брюхо до самого горла. И, даже насаженный на лезвие, нефилим тянул когтистую лапу к ее лицу. Мара чуть не выпала из седла, тянясь к хватке существа; Алый страж дернул меч выше, вынул его и снес голову нефилима. Она стукнулась и покатила по раздробленной плитке дорожек среди смородиновых кустов.

Тело нефилима осталось болтаться, намертво вцепленное в бок ящера, когтями прямо под чешую. Алый страж отпихнул его ногой.

Впереди показались ворота с вереницей Алых стражей. Казалось, вся крепость встала на ее защиту с одной единственной целью – вырвать Мару из лап нефилимов, в которые она так стремилась с самого начала ее пути.

В узком проеме между ворот показалась маленькая рыжая фигурка – Зарина верхом на своем ящере: одна рука намотана на поводья до самого локтя, что, если ее выбьет из седла, она скорее оторвет себе руку, чем отпустит своего зверя. В другой руке она сжимала корокий лук, и колчан пернатых стрел болтался на ее маленькой худой спине.

– Сюда, госпожа! – излишне весело крикнула она, помахав ей рукой; нетрудно было понять, что беспорядок, жара, огонь и крики – это ее дом, в котором она чувствует себя лучше, чем птица в полете.

Алый страж даже не остановил ящера. На ходу он резким грубым движением пересадил Мару на ящера Зарины; она еще не успела приземлиться в седло, а Зарина уже ударила его бока, выводя его за пределы Рая.

Панический взор Мары зацепился за горящие теплицы. Среди них рыжими всполохами метались тигры.

5. Закон пустыни

– Боги, как же жарко... – всхлипнула Мара, покачиваясь в седле неторопливо бредущего ящера.

Кругом – золото холмов, тупое бездонное небо и глаз Розда, следящий за маленькой северной богиней на своей сухой шершавой ладони. Полдень в пустыне существовал только в виде насмешки над человечеством, не иначе. Зарина вальяжно расположилась в седле позади нее, скрестив под собой ноги. Она грызла соленое сухое мясо и время от времени говорила что-то на южном диалекте, таком быстром и скользком, что Мара не улавливала даже те слова, какие уже знала.

Слева шествовал Алый страж, молчаливый, грузный, тяжело ступающий по шуршащему песку. Справа – нефилим, такой же немой, но легкий, тонкий, почти невесомым шагом касающийся поверхности дюны. Эти два создания и Зарина, явно не имеющая желания говорить с ней на северном, не облегчали текущее существование Мары.

Может, оно и к лучшему. Может, сгинуть в пустыне, под жарой, в сопровождении трех пар глаз, которым, на самом деле, глубоко все равно на ее состояние – не худший исход?

Зарина дернула Мару за плечо, грубовато, но такой уж она и была; и подала ей бурдюк с теплой безвкусной водой. Мара приложила его к губам. Эта вода совсем не утоляла жажду, потому что на языке она разливалась, как жидкое солнце.

– Неженка, – хихикнула Зарина, видимо, решив, что момент для поддразнивания наилучший. Мара проглотила слова вместе с водой: сил ссориться не было, да и едва ли она умела это делать, не будучи ни в отчаянии, ни в ярости.

Не получив от Мары желаемого ответа, Зарины фыркнула и, судя по интонации, ругнулась. Мара уронила острый подбородок себе на грудь и закрыла глаза. Спустя какое-то время она наконец не выдержала:

– На голову так давит... как будто руки сжимают мой череп, и он вот-вот лопнет.

– Хах! – Зарина взвизгнула и, перегнувшись через плечо Мары, озорно посмотрела ей в лицо. Затем, заметив наконец смертельную усталость и истощение, сделалась серьезней. – Эй. Погоди-погоди, на голову давит? На виски? На затылок?

– Повсюду... как кольцо сжимает.

– Ой-ой, – Зарина засуетилась и всучила ей в руки бурдюк снова. – Ой-ой, ну и дела. Ты безумеешь.

– Безумею?

– Ну... без-умие. Ты теряешь рассудок.

Мара сжала бурдюк в тонких пальцах, облизнула нижнюю губу, но язык, кажется, прилипал к коже.

– Я становлюсь упырицей?

– Уж не знаю, как у вас это называют...

– Всежива, помоги... – застонала Мара, опрокинув лицо на свою раскрытую ладонь и уперевшись в луку седла. Ящер не отреагировал на их движения, а продолжал мирное шествие в одном ряду с нефилимом и Алым стражем.

– А чего ж ты так быстро? Неужели северяне такие хлипкие на рассудок? Я могу пять лун кочевать одна в пустыне, и только на шестую почувствовать, как сдавливает череп.

– Это не мы хлипкие, – процедила Мара сквозь зубы, уставшая, ослабленная и раздраженная щебетанием девчонки. – Это вы... все тут безумны! Живете в своих каменных бочках, едите... какое-то сушеное дерьмо, пьете раскаленный металл и... и...

– Эй, а ты не оскорбляй нас! – Зарина дернула ее за мочку уха. Мара взвизгнула сдавленно сквозь стиснутые челюсти и слабо отпихнула ее худую темную руку.

– Сама начала, дура.

Зарина вдруг звонко рассмеялась и встала, почти подпрыгнув в седле. Ящер снова неотреагировал, словно на нем копошились две блохи, а не полноценные всадницы.

– Я могу тебя нарезать и съесть, – выпалила Зарина, показательно нацелив на Мару нож с тонким черным лезвием, скорее похожий на шило, чем на оружие, каким пользовались все воины.

Мара в ответ только кисло усмехнулась.

– Сделай одолжение.

– погоди, что? Что? – кажется, в картину мира Зарины не входило обстоятельство, когда существо само жаждало смерти. – Да ты в своем уме? Я говорю, я тебе язык отрежу за твою дерзость.

– О, ну, давай, режь! – не выдержала Мара и повернулась к ней в седле, высунув покрытый белым налетом язык.

Зарина отступила. Она плюхнулась обратно на спину ящера, озадаченно посмотрела на Мару и только фыркнула, отведя взгляд в сторону. Мара, в свою очередь, убрала язык.

– Ты бешеная, – спустя молчание произнесла Заря.

– Ты не лучше.

На том они и сошлись.

К вечеру жара немного спала, хотя песок все еще раскален до того, что по нему даже не нужно было идти: жар ощущался, даже если просто свесить ноги из стремян. Хуже того – давление на голову становилось невыносимым; по совету Зарины Мара пыталась тереть виски, но это ничуть не облегчало боль. И к моменту, когда огненный зрачок Розда уже закатился за ближайший холм, зрение ее словно помутнилось бледной дымкой.

– Туман? – тихо спросила Мара, моргая сухим глазом и глядя по сторонам.

– Нет. Так видят мертвяки. Ты безумеешь, княжна.

– Проклятье... где же Миркул? – пробормотала она себе под нос, глядя на темнеющие изгибы дюн.

– Не тревожься. Миркул – мужчина слова. Если он сказал тебя найти, то из кожи прыгнет, но найдет. Даже если ты уже будешь безумной.

Мара не была уверена, радует ее эта мысль или отвращает. Размышляя о собственной кончине, она точно не думала, что встретит ее так – в пустоте, в сопровождении нефилима, Алого стража, и девчонки (или женщины? Кто ее знает) с ее ездовым ящером.

– Там какие-то огни? – Мара прищурилась, глядя на холм. Действительно, вдалеке плясали шустрые маленькие огоньки. Когда Зарина посмотрела в ту сторону, она успела уловить только кратчайшие вспышки, и они тут же погасли.

– Если повезет, это Миркул с нашим караваном, – пробормотала себе под нос задумчиво Зарина и встала на ноги прямо в седле, чтобы смотреть дальше. – Они погасили огонь. Значит, прячутся.

– Боятся?

– Нет, – Зарина отрицательно покачала головой, прищурившись, рассматривая черные изгибы песков, похожие теперь на развалившихся обнаженных гигантов. – Если это не Миркул, то нам стоит бояться.

– Кто еще тут может быть, кроме него?

– О, малышка, – Зарина села обратно в седло и похлопала ящера, отдав ему команду на южном. Ящер фыркнул и вдруг остановился, медленно подогнул ноги и лег брюхом на песок. – Тут все кипит жизнью. И лучше одной жизни не сталкиваться с другой, потому что мы тут... едим друг друга.

Мара не стала уточнять, буквальные ли ее слова. Зарина надавила ладонью на ее затылок, заставив пригнуться прямо к голове ящера, затем свистнула нефилиму. Он лениво повернул на нее голову, и Зарина отдала беглый приказ. Нефилим опустил на четвереньки и побежал бесшумным шагом за ближайший холм исчез где-то в темноте расползающейся ночи.

– Куда ты его...

– Тшшшш, – Зарина зашипела и зажала Маре рот своей сухой пыльной ладонью. Давление на голову, усталость, голод и жажда отбили у Мары малейшее желание сопротивляться. На самом деле, ей больше всего хотелось уткнуться носом в эту ладонь, закрыть глаза, уснуть, и пусть они разбираются сами и без ее участия.

Алый страж медленно повернул голову куда-то в сторону. Его неторопливость теперь выглядела скорее осторожностью, чем медлительностью. Прожилки в его доспехе словно замерцали, мигнули, и в следующую секунду он неожиданно резко закрылся рукой.

Стрела щелкнула костяным наконечником о его наруч, обломила и с сухим стуком упала на песок. Мара без труда поняла, что стрела летела на нее, а солдат просто отбил ее наручем. Страж мгновенно вынул меч и стал осматривать пустош вокруг.

Но теперь их слышала и Мара. Шаги. Шорохи повсюду.

Это похоже на шуршание змей, которые раздвигают песчинки мышцами своего брюха, повсюду, повсюду, откуда только можно было вообразить; шелест песка не раздавался, разве что, только сверху, с черного полотна неба, облачного и непроглядного. Мара прижалась щекой к чешуе ящера, и не было смысла открывать или закрывать глаза, потому что тьма стояла одинаковая. Ее виски пульсировали сильнее, давление на голову становилось невыносимым, словно подкреплялось этим песчаным шорохом, словно каждая песчинка перекатывалась прямо в ее голове, а не вокруг нее.

Зарина позади нее медленно шевелилась, сжимая пальцами свой короткий нож. Движение плавное, едва уловимое, похожее на легкий ветерок. Алый страж слегка мерцал в темноте, но, возможно, то была причудливая игра ее больного воображения, и никакого красного свечения не было вокруг его доспеха.

– Не шевелись... – прошептала Зарина одними губами, прижимаясь лицом между лопатками Мары, и ее голос отозвался щекоткой где-то в позвонках.

– Верно, – Мара вздрогнула. То был голос откуда-то из темноты, говорящий на южном, но медленно, отчетливо, резко, с въедливым грубым акцентом. – Не шевелись, девочка.

Мара и не думала шевелиться. Она не видела ничего в темноте, даже очертаний тех, кто говорил, но судя по хриплому дыханию (или это был ветер в дюнах?) казалось, что из окружает армия невидимых людей. И, судя по тому, как Алый страж медленно кружил вокруг ящера, как овчарка вокруг ягненка, их действительно взяли в кольцо.

Зарина выругалась, приподнялась голову, вглядываясь в темноту. Она спросила что-то на беглом южном – ей ответили. Мара не поняла ни слова из разговора, и размеренная речь Миркула показалась ей подарком по сравнению с тем, как соскакивали звуки с языка этих диких южан.

– Они говорят... – Зарина спрыгнула с седла и сунула нож себе за пояс, обращаясь к Маре. – Что пришли за тобой. Это они напали на Рай.

Мара посмотрела в черноту, стиснув зубы от пульсирующей тянущей боли в висках. Тьма ответила прежней немотой и тихим шелестом дыхания. Зарина протянула Маре руку, грубовато и настойчиво вытаскивая ее из седла. Ноги княжны тут же подогнулись из-за слабости, жажды и слишком долгого пребывания в седле, и она покачнулась, уперевшись руками в бок ящера. Он все еще лежал, лениво прильнув головой к песчаному холмику.

– И... что теперь? – неловко спросила она, растерянно глядя по сторонам, как слепой щенок.

– Ничего. Я уезжаю. Ты остаешься.

– Стой... – Мара обвила пальцами запястье Зарины в приступе мгновенной паники. – Оставишь меня? С ними?

– Ну, они сказали, что ты им нужна живой или мертвой – без разницы, – Зарина покопалась в седельных сумках, сунула туда бурдюк с остатками воды, проверила ремни, говоря так небрежно, словно речь шла о чем-то повседневном. – А если я тут останусь и буду тебя отбивать – они возьмут нас обеих мертвыми.

Алый страж повернул голову на Мару, и она оторвала кусочек кожи зубами с нижней губы, глядя на его молчаливый шлем, казавшийся теперь более сосредоточенным, чем прежде.

– Ты бросаешь меня, – выдохнула она, и ее рука упала с запястья Зарины – ей даже не пришлось ее отталкивать.

– Это пустыня, крошка, – пожала она плечами и прыгнула в седло.

– Но Миркул... Енох...

Мара поняла в этот момент, что уже давно, много лет (пожалуй, с самого детства) не чувствовала себя брошенной. Ее нефилим, ее Дауд никогда бы так не поступил. Эта мысль попросту не имела своего места в ее разуме, и теперь металась, пытаясь как-то укрепиться. Осознаться.

– Я скажу им, что ты погибла... утонула в песке или нас нагнал нефилим и сожрал тебя. Еще не придумала. – Зарина щелкнула языком два раза, ящер с ленивым выдохом поднялся на лапы и встряхнулся, как пес после воды. – Если повезет, Алый страж тебя отобьет, но ты все равно скоро обезумеешь, до ближайших жриц Розда тут далеко, так что тебя никто не восстановит... и ты умрешь от жажды.

Мара приоткрыла рот, тяжело дыша, паника свернулась гадюкой в ее груди. Она даже не смогла выдать из себя ни одного возражения, ни одной просьбы, потому как Зарина говорила так решительно и обыденно, словно весь ее жизненный путь был предрешен с самого начала.

– Не обижайся, – произнесла Зарина, взглянув на нее, и ее глаза золотом блеснули в кромешной темноте. – У нас тут, в пустыне, свои законы. Или ты сожрешь, или тебя.

Она крикнула в темноту, и Мара узнала это слово – “ваша”. И, прищипорив ящера, помчалась куда-то в темноту.

И Мара осталась в тишине. Алый страж стоял рядом с ней, она ощущала жар его доспеха, его голова вертелась из стороны в сторону, крупная ладонь сжимала меч. И это все, что у нее теперь было – Алый страж, головная боль и тупой ноющий ужас, пляшущий красными пятнами перед глазами.

Они перекрикивались время от времени, давая друг другу какие-то короткие сигналы. Их шаги шелестели по песку. Мара кожей ощущала, как смыкается кольцо людей вокруг нее и Алого стража, и как смыкается кольцо боли вокруг ее несчастной пульсирующей головы. Она запустила руки в свои растрепанные спутанные волосы и сжала челюсти, изо рта раздался скулеж, близко похожий на рыдание, но в ее теле осталось так мало воды, что слезы отказались идти из пересушенных глаз.

Алый страж махнул мечом. Раздалось громкое влажное “оуф”. Мара закрыла глаза, попыталась подумать о дыхании, о о сердцебиении, о тишине – о чем угодно кроме пульсации в висках и звуков разрезаемой плоти тут и там.

Шелест превратился в топот. Силуэты мелькали тут и там, опасно близко. Алый страж отбивался мечом, заслоняя ее своим телом. О его броню лязгали лезвия, ломались стрелы. Одна из них пролетела в опасной близости от ее тела; Страж положил широкую ладонь на ее голову и насильно поставил на колени, затем – еще ниже, пока она не свернулась клубком в его ногах, как перепуганная мышь. Она заслонила голову своими руками, сжала зубы, на них хрустнули жесткие песчинки.

Сейчас разницы между Алым стражем и Даудом почти не было. Почти.

Свист, скрежет, хлюпанье, непонятная южная речь и вскрики, в отличие, от слов, такие понятные – рокот боли, визг агонии, треск разрываемых плотных человеческих тканей. Мара продолжала лежать, сомкнув замком пальцы на своем затылке, уткнувшись лицом в песок, сжавшись, казалось, до размеров точки. Ее глаза болели от того, насколько сильно она сжимала веки, а зубы грозились треснуть из-за стиснутых челюстей.

Что-то упало рядом. Боль в висках запульсировала сильнее, и в нос ударил слишком знакомый запах крови. Как же она мечтала не чувствовать этого больше никогда, что на какой-то миг подумала: вот бы отрезать себе нос.

О, как бы ей хотелось, чтобы сейчас ее защищал Дауд – он бы сказал ей, что все будет хорошо, и что она в безопасности, и что он убьет любого на версты вперед, и он бы держал ее запястья и...

Но Дауда не было. Ее оборонял молчаливый Алый страж, и с ней осталась только темнота и тихие звуки сражения.

Ночной холод сменился утренней жарой. Песок вокруг ее разогрелся. Мара уже не ощущала пульсацию в голове: череп словно набили мягким гусиным пухом. Когда она открыла глаза, она увидела грязно-желтую темноту. Когда подняла голову – темнота сменилась блеклым и одновременно ярким светом сквозь пелену белого цвета на ее глазах.

Она огляделась. Алый страж сидел рядом, именно сидел, потому как под расщелину его доспеха был воткнул кинжал до самой рукояти, лишив его возможности двигать коленом. Его шлем повернулся на Мару, когда та выползла из-под небольшой кучи песка, которой ее замело за ночь. Она отряхнула платье, скорее, по привычке, и огляделась затуманенным взглядом. Из ее горла вырвалось странное нечеловеческое хрипение, а в нос все еще бил запах крови.

Княжна села напротив Алого стража на песок, поджав колени к груди и обхватив их руками, и она ужаснулась, насколько теперь выпирали ее кости. Кажется, в ней совсем не осталось жизни. Хотелось пить, хотелось есть; и эта дымка в глазах делала мир вокруг еще менее реальным, словно она в мгновение оказалась где-то в ином причудливом месте, и все это – посмертный сон умирающей северной богини.

И лучше бы оно было так.

Какое-то время Мара глупо смотрела прямо перед собой в шлем Алого стража (и это был самый долгий взгляд в лицо другого человека, если его можно так назвать, за всю ее жизнь), ее искусанные губы приоткрывались в попытках захватить чуть больше раскаленного воздуха. Легкие должно жечь, но не жгло, онемевшее тело словно набили соломой.

Потом она произнесла:

– Мы так и будем сидеть?

Страж сначала не отреагировал, потом слегка склонил голову набок в беззвучном вопросе. Хорошо. Он ее понимал.

– Может, пойдем? – хрипло спросила она, с трудом понимая собственную невнятную речь, состоящую теперь из одних растянутых гласных. Язык почти не шевелился во рту и лип к щекам, деснам и небу.

Алый страж обдумал ее слова и посмотрел на кинжал, торчащий из его колена. Мара хмыкнула, лениво потянулась к рукоятке. Дернула на себя раз, два, три, страж слегка пошевелился (от боли? Непонимания? Недовольства?), и вынула лезвие из его колена. Страж издал странное гудение (да, определенно от боли – этот звук Мара знала очень хорошо) и, обхватив колено обеими руками, пошевелил ногу.

Она не двигалась. Бессмысленная, бесполезная конечность.

– Ну... – произнесла Мара с истинным безразличием и отбросила кинжал в сторону, – ...я тоже едва могу идти. Давай, вставай. Ты на одной ноге, но хотя бы живой.

Страж снова помедлил, словно спорил сам с собой в голове, затем, опираясь руками в рассыпчатый песок, предпринял попытку встать. Вышло не сразу. Он споткнулся, плюхнулся на зад, затем попробовал еще раз. Лишь с четвертого раза он сумел встать на одну ногу, вторая немного двигалась, и он смог найти равновесие на болтающейся опоре.

Встав и покачнувшись так, воин посмотрел на нее вниз.

– Хоть руку подай, – сказала она, вытягивая дрожащую обожженную солнцем руку ему навстречу. Ее пальцы обхватила большая красная перчатка, горячая и твердая, и он потянул княжну на себя, ставя ее на дрожащие, как у новорожденного жеребенка ноги.

Очередное потраченное время ушло на то, что они просто стояли: воин в тяжелом красном доспехе на одной ноге, Мара – на двух, но не менее шатающаяся. Теперь, с ненадежной высоты своего роста, она окинула тусклым взглядом пустыню вокруг. Размытое зрение подсказывало ей, что тут и там лежат тела или их части, разбросанные, словно рыбы, выброшенные на берег реки.

Есть вдруг захотелось больше, чем пить. Мара сглотнула и тут же закашлялась из-за того, что горло слиплось. Внутри нее суше, чем в пустыне. Казалось, даже кожа липла к костям.

Шаг, еще шаг. Ноги двигались сами собой, шаткие и глупые. Песок забился в сандалии, ступни стало жечь сквозь тонкую подошву. Мара посмотрела белым взглядом на солнце; теперь, когда ее глаза были подернуты дымкой, она могла четко видеть очертания ровного круга посреди неба.

– Ты знаешь, куда мы идем? – она подняла взгляд на Алого стража. Он в ответ посмотрел на нее и покачал головой. – И я не знаю.

Чем дальше они шли, тем горячее становились дюны. Вскоре Мара перестала чувствовать жжение ступней, тело полностью онемело. Она подумала, что, наверное, если бы пугала были живыми, то они ощущали бы свое туловище именно так.

Алый страж остановился, посмотрев по сторонам, качнулся на одной ноге, стараясь переместить вес на вторую, сломанную. Мара остановилась рядом с ним и приоткрыла рот, вдыхая горячий воздух, улавливая слабый запах крови. Наверное, кто-то из нападавших бежал с места битвы и погиб где-то в пустыне от ранений.

– Ты можешь умереть? – от чистого любопытства спросила она, продолжая свое шествие.

Страж загремел наплечниками и провел большим пальцем по своему горлу.

– Ясно. Только если убить. А имя у тебя есть? – Алый страж покачал головой – это Мара поняла по тому, как скрежетал его шлем. – А было?

Он кивнул.

– И, что, ты так и будешь бродить безногий или...

Алый страж остановился на мгновение. Затем снова покачал головой и провел пальцем по шее.

– Убьют, значит. Как коня со сломанной ногой, – Мара задумчиво смотрела на свои ступни в сандалиях, и с расстояния ее блеклого зрения она почти перестала видеть собственные пальцы, только расплывчатые очертания ног и желтый рыхлый цвет повсюду. – Может, там обоим нет смысла возвращаться? Нас не ждет ничего хорошего...

Конечно же, Алый страж не ответил – сложно ответить, если рот сросся со шлемом, но Мара посчитала, что понимает его молчание без слов. Они шествовали так – его широкий кривой шаг и ее мелкий, дрожащий.

– ...тебя убьют, – рассуждала она себе под нос, – меня отдадут замуж. Ты вообще видел Хар Шалаю?

Страж снова покачал головой.

– Жаль. Хотя бы знать, какой он. Я бы на твоём месте сбежала. Не искала выход, – она запнулась в словах, язык как будто распух и не помещался в рот. – Как же я хочу есть...

Алый страж слегка наклонился к ней, насколько ему позволяли его неустойчивые ноги, как будто заглядывая ей в лицо черными щелями своего шлема.

– Да, да, – пробормотала она, почти вслепую шагая по пустыне. – Я, кажется, почти упырица. Повезет, если я умру раньше, чем окончательно потеряю разум. Какая же жалкая будет смерть.

Он кивнул. Боги, в этой краснокаменной глыбе было больше сочувствия и понимания чем среди всех людей вместе взятых в ее окружении за последний месяц.

Сколько прошло времени? Достаточно, чтобы запах крови усилился. Чем ближе они подходили к источнику, тем отчетливее Мара понимала, что они движутся к еще свежему телу, истекающему и такому манящему. Воин рядом в странном напряжении потянулся к мечу, когда они вышли в низину между холмов. Там, внизу, находились мутные очертания двух.

Тело, павшее от усталости и ран. И нефилим, поедающий тело. Мара и Алый страж оставались на холме, и она опять громко жаждающе сглотнула, глядя на то, с каким хрустом нефилим трапезничает, как будто перед ним был не грязный истощенный труп, а целый пир.

Страж держал в руке меч, когда они подходили ближе и ближе. Нефилим не шелохнулся, хоть и слышал их приближение; глядя на ободранную спину нефилима, Мара поняла, что это та особь, которая принадлежала Зарине. Значит, и она где-то близко.

Нефилим поднял на них окровавленную морду; желтые глаза без интереса скользнули по Маре и Алому стражу. Видимо, они выглядели настолько жалкими, что тот посчитал их безопасными и не стал нападать. Или у него в голове обитали другие мысли на их счет – Мара могла только догадываться. Впрочем, ее собственная голова занята иным.

Княжна посмотрела на растерзанное тело. В нем еще оставалось мясо: она видела разорванный живот, останки легких и печени. Как было бы сладко просто прильнуть и...

Нефилим изучал ее лицо, не двигаясь с места, сидя рядом с растерзанным трупом в нелепой позе лягушки, совсем не подходящей такому изящному существу. Его приоткрытый рот втягивал воздух. Затем он пошевелился и слегка отступил в сторону от тела.

Приглашение.

Мара приоткрыла рот и втянула горячий воздух, прямо как делал нефилим, не почувствовав в нем ничего, кроме запаха крови. Нефилим в ответ на это слегка склонил голову, как очень внимательная собака, изучающая что-то новое перед собой. Княжна сделала неровный шаг навстречу, потом еще один. С трудом оторвала взор от тела на песке, посмотрела на Алого стража, а он на нее.

– Я так хочу есть... – пробормотала она одними губами, словно пытаюсь оправдаться перед ним. Затем посмотрела в янтарные глаза нефилима и повторила уже с уверенной благодарностью: – Я так хочу есть.

Ее колени сами подогнулись. Рассудок помутился, и впервые за весь день белая дымка перед глазами сменилась бордовыми насыщенными пятнами. Руки опустились во влажное и теплое, рот наполнился влагой и металлом.

Нефилим и Алый страж стояли рядом с ней в привычном молчании, наблюдали, как тощая северная девочка, обгоревшая и безумная, поглощает плоть сородича. Они никому не расскажут.

Ее зрение стало возвращаться в норму уже тогда, когда она слышала ровную и более знакомую южную речь. Ресницы ее затрепетали, язык не лип к небу и тело странно болело, а голова опять гудела отвратительной болью.

Она различила голос Хатифы, а потом – Миркула. Повозка покачивалась на песчаных холмах, погонщик ударял по спинам ящеров звонким хлыстом. Они торопились.

– А о том, что она сделала в пустыне... – отчетливо сказал голос Миркула, – никому ни слова.

6. Омовение солнцем

Он не пришел. Ни вчера, ни на следующий день, ни через неделю. Туманные дни плыли один за другим, жара не отступала ни на каплю, и все, что видела перед собой Мара изо дня в день, так это хмурое лицо Хатифы, золотая ткань сидений и окно. В окне – желтый и синий. Во рту все время стоял горьковатый привкус пустынного, его не перебивало даже соленое мясо, которое ей время от времени заталкивали в рот. Мара не могла жевать, мышцы не слушались, разум все время спал. Лишь когда мясо размокало во рту и превращалось в кашу, она проглатывала его, не чувствуя ни голода, ни насыщения.

Каждое утро перед ее глазами появлялось лицо Зарины. Оно выплывало перед ней из тумана, ее черные, сухие руки охватывали ее лицо. У нее маленькие смешные глаза, неестественно крошечный нос, угловатая, чуть выпирающая челюсть и неровные зубы. Она дышала на нее мускусным и кислым запахом. Мара даже не могла злиться на нее, ведь она бросила ее не со зла, не так ли? Ушла, чтобы спасти свою жизнь и вернуться в караван к Еноху. В сути своей, то не было ни предательством, ни обманом.

В отличие от того, что сделал Марк.

Но где Мара теперь? Заточена в душной повозке, изо дня в день пребывает в дурмане, не в силах сосредоточить разум даже на мыслях о доме, маме, Дауде. Любая попытка вцепиться за смысл превращалась в бесконечный тошнотворный водоворот сознания. С каждым днем эта запутанность становилась все глубже и глубже, пока Мара не очутилась в золотисто-голубой комнате.

Вернее, ей казалось сначала, что это всего лишь пустыня. Всего лишь песок, небо и редкие проблески звезд, которые размазывались на небе под ее хмурым дымным взглядом. Но, нет. То были ярко-голубые стены, солнечный, но не палящий свет, золотистый витиеватый узор на этих стенах. А вокруг – южные голоса. Как бы уловить хотя бы пару слов?

– Слишком много пустынного, – возмущающийся, женский, звенящий. – Теперь-хотеть-много.

– Не было выбора, – размеренный, но с нотками встревоженности. Это говорил Миркул.

– Приходить-в-разум, – женский голос явно спорил с ним. – Время.

– Хар Шалай...

Дальше шла нечленораздельная речь. Мара застонала, поняв, что лежит на чем-то душном и мягком. Она перевалилась на бок и пыталась сосредоточиться, но теперь видела только розовый цвет и складки ткани. Догадавшись, что это одеяло, она застонала опять. В доме розовых покрывал не было.

Дальше наступила непривычно оглушающая тишина. Не раздавалось ни скрипа колес, ни топота ящеров, ни голосов. Мара поняла, что теперь отчетливо видит плетеную ткань розового покрывала с изображением мелких белых хаотичных точек. Она опять перевалилась на спину. Тело слушалось, и вместе с тем одновременно приятное и отвратительное ощущение расплзалось по спине. Боль, смешанная с удовольствием, нашла точку между ее глаз и стала чесаться там, глубоко в голове. Мара потерла нос рукой.

Перед глазами оказался нежно-голубой потолок в серебристых нарисованных звездочках. Судя по отблескам света на нем, сейчас проливался или рассвет, или закат.

– Госпожа?

Звонкий женский голос заставил Мару резко сесть. Она вдруг очутилась в небольшой, но светлой комнатке на очень низкой, нет, не кровати, скорее, огромной лежанке круглой формы. Множество белых и розовых подушек раскиданы по ней и вокруг. Можно зарыться под одеяла, утонуть там, в мягкости складок тканей, и тебя никогда не найдут. Ноги упирались в бархатистый темно-синий ковер с причудливыми узорами, из-за которых рябило в глазах. В комнате

высокие окна, прозрачные нежные занавески, дверца, выходящая на балкон тоже прозрачная, но предусмотрительно закрытая. Буйство нежных красок обрушилось на Мару, и хоть ничто не резало глаза, в отличие от золото-голубых цветов пустыни, она какое-то время сидела в полной растерянности.

И среди всего этого хаоса, на подушках около металлического витиеватого сундука сидела чернокожая женщина с длинными тугими косами.

– Госпожа Марена, – она говорила медленно, очень старательно выговаривая слоги северного диалекта. – Мое имя – Ракшаса. Хрисош, пока лишь в моем лице, приветствует вас.

Хрисош. Значит, прошло около тридцати дней с момента, как она покинула Еловую крепость. И Дауд все еще не вернул ее домой.

– Сколько... сколько сейчас времени?

Тут же Мара выругалась на себя. Ей пристало кинуться на эту Ракшасу и задушить собственными руками, а не задавать такие глупые вопросы. Каждый человек, взрослый и маленький, мужчина и женщина... да, что человек, камни, песчинки – все здесь заслуживает гибели. Но где взять силы, чтобы сравнять с землей целый город? Руки Мары безжизненно лежали у нее на коленях. Тощие, глупые, бесполезные.

– Три четверти скрытия солнца, – ответила Ракшаса и, чуть сощурившись, посмотрела в окно. – Начинаются новые сутки.

Три четверти? Чего? Мара проследила за ее взглядом и увидела вдалеке то, что сначала показалось ей дюнами, но то были роскошные золотые и красные крыши, переходящие одна в другую. Солнечное золото разливалось по ним, превращая их в бушующее пламя. Раскаленный шар медленно утекал за горизонт, превращая небо в кровавое месиво.

– Это закат, – едва собравшись с силами произнесла Мара.

– Да, закат, – Ракшаса ласково улыбалась и нельзя было не заметить, как с каждым словом она чуть-чуть покачивалась, придвигаясь ближе к Маре.

– Новый день. Вы сказали, новые сутки.

– Да. Новые сутки. Ночь.

– Ночь.

Ракшаса поднялась. Мара удивилась тому, насколько эта женщина была жилистой и высокой. Тончайшей ткани платье ниспадало строго по фигуре, подчеркивая сильные продолговатые мышцы груди, талии, бедер и ног. Косы достигали середины икры и напоминали плотно скрученные жгуты. Мара попыталась встать, но ноги ее не слушались. Слишком слабые. Тогда Ракшаса подала ей руку, и Мара бегло оценила ладонь. Чистая, ровная кожа, немного грубоватая, но здоровая. Хвала богам, совсем не как у Зарины. Девушка приняла руку, и Ракшаса потянула ее на себя мягко, и одновременно с огромной, просто немыслимой для женщины силой. Подхватив ее за талию, она помогла Маре почувствовать ступни и икры, чтобы наконец обрести устойчивость.

– Отлично. Розд милосердный, прошу тебя, прости Миркула, что опоил тебя пустынником, – ее лицо, действительно, выглядело скорбно, как будто она понятия не имела, что Миркул делал с ней вещи и страшнее. – Когда перед ним стоит какая-то цель, он иногда заигрывается со способами достижения. Из-за пустытника первое время у тебя будет ломка. Не сильная, она пройдет через цикл, в худшем случае – полтора.

Ракшаса повела ее куда-то. Мара послушно передвигала ногами, удивляясь, насколько ей тяжело ходить, и насколько сильна эта женщина.

– Я не понимаю ничего, – наконец выдохнула она, когда они подошли к округлому дверному проему. Срез в стене толстый и белый, а высоко вверх, почти у потолка, крепилась длинная невесомая бледно-розовая занавеска. За ней виднелись очертания другой комнаты, кажется, какое-то подобие банной.

Как много розового. Все такое нежное, воздушное, приторно-сладкое, теплое, липкое...

– Не бойся спрашивать у меня, – Ракшаса одной рукой раздвинула занавески и помогла Маре пройти в следующее помещение. Это и правда была банная, только без печи. Оно и понятно – здесь и без огня стояла духота. В высокое, до самого потолка, но узкое окно струился красно-золотой свет. Здесь расположена металлическая гладкая изящная кадка, белая внутри и ярко-синяя снаружи. Она наполнена водой, а рядом – принадлежности, видимо, для умывания. Полотенце, щетка, какой-то песок в причудливой миске. На стене висел причудливый, такой же приторно-розовый сарафан с кружевным подолом и широкими рукавами и пушистое полотенце размером с добротное покрывало.

Ракшаса отпустила Мару рядом с кадкой воды, розоватой, но непрозрачной, а молочно-мутной. В ней плавали кусочки апельсинов и лимонов. Запах пряностей, сладких фруктов и еще чего-то приятно успокаивал разум, который только начал пробуждаться и вновь паниковать.

– Я буду вашей проводницей в Хрисош. И вашей ближайшей прислугой, – она коснулась ее плечей, снимая с Мары сарафан. Странно, но княжне не захотелось ни дергаться, ни сопротивляться: движения Ракшасы умелые, плавные и не предвещающие беды. Заглянув в глаза женщине, Мара очутилась в их непроглядной, но столь убаюкивающей темноте. Может, она и впрямь не плохой человек. По-кошачьи вкрадчивая, улыбчивая, с хрипловатым голосом и смешным говором.

Ракшаса раздела ее и помогла сесть в кадку. В отличие от северных, она не глубокая и узкая, а скорее продолговатая. Мара выпрямила ноги; блаженство охватило все ее существо. Чуть теплая вода после целого месяца пути в пустыне казалась чем-то ненастоящим и очень приятным.

– Как вы сейчас себя чувствуете? – Ракшаса первым делом перекинула волосы Мары за пределы кадки и принялась расчесывать их мягкой щеткой.

– Голова как будто мягкая и полная внутри, – Мара задумчиво провела рукой по бело-розовой воде. – Сил совсем нет.

– Вы очень исхудали.

Да. Крупные устойчивые щиколотки теперь выглядели, как палки; примерно то же самое можно было сказать и о запястьях. Мара с недоумением ощупала свои ребра, истощенную полую грудь, провела кончиком пальцев по выпирающим ключицам. Упырыша, не иначе.

– Я не всегда была такой.

– У вас был очень сложный путь, – понимающе кивнула Ракшаса. Черную копну она умело распутывала с самых кончиков. – Зато какие красивые у вас волосы. Густые, крепкие. Любая южанка обзавидуется. Я вот уже завидую.

Она слегка рассмеялась. Мара не вторила ей, даже не улыбнулась из вежливости, хотя раньше бы наверняка сделала это. Руки у нее так и лежали на собственных ключицах, под которыми слышались удары сердца. Оно билось, сожалея о собственной жизни.

– Я здесь в рабстве?

– В рабстве? – Ракшаса подняла брови. – Милая госпожа, вы дома. Вы будете главной княгиней Хрисош и всего Крайнего Юга!

Княгиней Хрисош. Само сочетание этих слов звучало насмешкой над всем смыслом существования Мары. То, что она успела увидеть за окнами – золотые крыши и солнечный пожар, плавающий их, – не ельник, не зима, не прохлада промерзшей земли. Княжить здесь – предать саму сущность всего ее рода, всего ее севера. Проглотив отчаяние и бессилие, Мара спросила:

– Я уже замужем за... Хар-Шалаем?

– Нет, конечно нет, – запротестовала Ракшаса вновь. Бросив чесать волосы, она присела к бортику кадки и положила на него руки. Лицо женщины и впрямь выражало беспокойство. – Госпожа, я не знаю всего, но догадываюсь, что господин советник... эм... не лучшим образом

обходился с вами. Но мы не дикари. Не все люди во дворце, как Миркул. Мы рады вам. Мы хотим вам служить. Мы хотим, чтобы вы были счастливы здесь. И церемония будет назначена, когда вы будете готовы встретиться с вашим женихом. Хорошо, если сегодня... но, если нет, то завтра. Послезавтра. Ну, или, может, через цикл? Я передам советнику, чтобы тот сообщил князю, что вы тяжело перенесли путь, и он все поймет. У нас замечательный князь. Он вам понравится.

Понравится? Никогда в жизни.

Ночь пестрела огнями. Все те части необъятного дворца, какие виднелись из окон ее спальни, зажглись огнями. Они мерцали в красном полупрозрачном камне ярко, настолько, что освещали даже небо, отчего не виднелись звезды. Если Мара перекидывала себя через перила ее балкона и выглядывала за угол дворцовых колонн, то она видела кусочек ярких разукрашенных домов, рыжих, красных, желтых, каменных и высоких. Среди них очень редко показывались пестрые силуэты людей. Внизу же, в нескольких секундах свободного падения, лежали песчаные холмы, из которых, словно пальцы, торчали красные колонны камней, идеально ровно иссеченных, как будто чья-то умелая рука ваяла их. Они образовывали кольца, видимые с этой высоты, причудливо закручивающиеся в многочисленные спирали. Это зрелище не могло не завораживать, отчего Мара иногда ловила себя на мысли, что голова ее слегка кружится от рассматривания этого каменного сада.

Если бы она спросила, Дауд наверняка бы рассказал ей о происхождении этого узора и о том, как нужно обточить красный камень, чтобы придать ему столь гладкую и ровную форму столпа.

На подносе, прямо на полу у ее кровати стояла миска с сочными нарезанными фруктами и чаша с молоком, в которое добавили какие-то ароматные сладкие специи. Когда время перевалило за полночь, Ракшаса принесла в ее покои еще один поднос. Яркий запах мяса и тушеных овощей мгновенно пробудил в Маре аппетит. На подносе, к удивлению, не оказалось столовых приборов, мясо уже было тонко нарезано, да и приготовлено настолько хорошо, что распадалось на волокна. Мара села на подушку, повторяя движения за Ракшасой, неловко и непривычно. Женщина села напротив нее, поставив между ними поднос.

– Вот, смотрите, – она взяла в руки пустое плоское блюдо, маленькое, полностью испи-санное голубым узором, – это ваше блюдо. А это – общая еда. Возьмите вот этот кусочек хлеба.

Мара даже не сразу заметила, что под мясом и пахучими овощами находился плоская мягкая лепешка. Она повторила за Ракшасой движение, оторвав кусочек и положив его в ладонь.

– Вот так? – уточнила Мара.

– Да, вы молодец. Теперь попробуйте как бы захватить этой лепешкой мясо и батат, – у Ракшасы это получилось ловко. Она без труда подхватила еду и переложила в свое блюдо. Мара повторила за ней, но тут же испачкала ладони пахучим жиром, приправленным желтыми специями. – Не переживайте, если пачкаетесь. Вот платок, он специально для того, чтобы вытирать руки.

Она кивнула на еще одну миску, в которой лежала светло-серая ткань, обильно смоченная водой с лимоном. Мара вытерла руки, и по указанию Ракшасы положила ткань обратно.

– И, что, теперь так есть всегда? – мрачно поинтересовалась девушка.

– Когда вы будете принимать пищу в компании... Хар-Шалая, в том числе в кругу его приближенных, вы можете накладывать себе еду сами. Напитки у нас подливают рабы, – Ракшаса закинула в рот кусок мяса и дольку батата вместе с зеленью и ломтиком лепешки. – Но, когда вы будете находиться на больших приемах, а это будет нечасто, то еду вам будут накладывать, вам не нужно ничего трогать. Как, например, на свадьбе. На подобных праздниках все господа отдыхают и не утруждают себя наложением пищи.

– А когда я смогу увидеть Хар-Шалая? – сказала Мара, и мысленно добавила пару нелестных слов к его имени.

– Если вы чувствуете себя хорошо, то я передам слугам, чтобы мы могли начать приготовления к церемонии.

– Погодите... – Мара нахмурила брови, не отводя взгляда от размазанной по блюдцу порции мяса. – А я не увижу его до свадьбы?

– У нас так не принято, – непринужденно улыбнулась женщина в ответ. Мара сдвинула кулаки, чувствуя, как учащается ее дыхание. Она сделала глубокий вдох и медленный выдох, но сердце непослушно колотилось все сильнее и быстрее.

– Я хочу познакомиться с ним заранее.

– Не волнуйтесь, церемония долгая, – Ракшаса положила свои ладони на ее, но Мара одернула руки и вскочила на ноги. Обеспокоенная служанка медленно поднялась вслед за ней. Выражение ее лица нельзя было назвать напряженным; скорее она была напугана поведением княжны, и боялась как за себя, так и за нее. – Вы успеете познакомиться за время всего празднования. Оно длится три ночи.

– Три ночи?! – у нее даже закружилась голова, когда она представила, как она проводит трое суток в окружении толп людей, и все взгляды направлены только на нее. Тошнота подступила к горлу.

– Да, я узнавала, что у северян основная часть занимает не так много времени, – она приблизилась, а Мара сделала шаг назад, к распахнутому настеж балкону. – В первую ночь церемонии вас одевают в ритуальный наряд, а в первый день вы проводите ритуал омовения солнцем. Вас приводят в храм Розда, и одеяние нагревается на вас обоих, пока жрецы читают молитвы. На вторую ночь – обмен монетами и пиршество. На третью ночь – вы встречаетесь с мужем в покоях.

Съеденные вечером фрукты упорно просились наружу. Мара сдержала позыв, но весь ее вид показывал, что девушке нехорошо. Она села на постель и подперла голову руками, а Ракшаса озадаченно нависла над ней.

Вот и все. Никакой это не сон, не бредовое видение в горячке. Это – золотая клетка, а она в ней диковинная серая птичка. Ее привезли с мороза, отогрели и накормили, но ей хотелось обратно в ледяную мглу, питаться рябиной и случайно найденными семенами под кустами черемухи. Мара всхлипнула, Ракшаса тут же присела рядом и мягко приобняла ее за плечи, но княжна стряхнула ее руку с себя.

– Если хотите, мы повременим со свадьбой. Подождем, когда вы привыкните к этим местам. Я понимаю, это непросто...

– Нихрена ты не понимаешь, – сквозь зубы процедила Мара, истеричность вновь овладела ее голосом. – Мне нечего ждать. Все, чего я ждала, никогда не сбудется. Он не пришел за мной, и не придет. Я заперта в этой крепости, в этой комнате, и даже в этом теле! И дать отпор я не могу, потому что я жалкое ничтожество, я ничего не контролирую, и все, что я делаю – происходит случайно. Я этот мир не понимаю. Я хочу домой, к маме хочу, и... и...

Ракшаса прижала ее к себе, и теперь Мара прерывисто всхлипывала ей в плечо. Женщина погладила ее по голове, жест вышел знакомый, по-матерински нежный. Они покачивались из стороны в сторону, Ракшаса не выпускала ее из объятий, пока рыдания Мары утихали.

– Бедная, маленькая девочка, – пробормотала служанка. – Что же с вами сделали, дитя, что с тобой сделали?

– Я не по своей воле здесь, – с дрожащих губ Мары сорвались слова, когда Ракшаса, отняв ее лицо от своего плеча, вытирала слезы с ее впалых щек. – И выхода у меня нет.

Черное, непроглядно глубокое понимание отпечаталось на лице Ракшасы. Тень в ее глазах заставила Мару прекратить рыдания. Женщина приподняла рукава ее сарафана, воздушные, но плотные. Они скрывали длинные светлые шрамы на запястьях, и такой же шрам Рак-

паса показала, чуть сдвинув высокий ворот. Тончайшая, казалось, ткань ее одеяния была настоящей броней, прячущей уродливые, бугристые полосы на ее черном покрове кожи.

– Я знаю вашу боль, маленькая госпожа, – полушепотом произнесла Ракшаса. – Я была пленницей. Хар-Шалай добр и милостив к тем, кто не боится и умеет просить. Враги ваши будут наказаны, если вы найдете расположение князя, и найти его не сложно.

О, как же ошибалась Ракшаса, думая, что врагом Мары является Миркул или кто-то еще. Княжна твердо закрепила в памяти имя Хар-Шалай и то, насколько он ненавистен ее сути. Но девушка слушала внимательно, проглатывая каждое слово Ракшасы, впитывая все чувства, вложенные ею в речь. И она продолжила:

– У Хар-Шалай много приближенных. Двое из них – в его сердце, – Ракшаса боязливо обернулась на узорчатую толстую дверь, сужающуюся полукругом к потолку. – Есть вещи, которые я не могу говорить вам, но часть из них скажу. Миркул – друг князя и наставник его, он как отец. Есть еще одна. Имя ей – Эфа, змея. Она подобна сестре Хар-Шалай, она тоже в его сердце. Еще есть жены и наложницы. На наложниц наплюйте, они пыль под ногами князя. Жены... среди них есть те, кто попытается вас убить. Кто порадует вашему несчастью. Есть и те, кто может встать на вашу сторону. Но, что бы они тебе не говорили, запомните: вы единственная княжна по крови. Пусть есть первая жена, пусть есть вторая – они не княжат, они не рождены от княгинь, и дара у них нет никакого. А у вас – есть. Со дня церемонии и до конца дней вашей жизни вы будете ходить, как возлюбленная Розда, не дайте себя втоптать в песок никакой женщине, даже первой жене Хар-Шалай.

И, хоть Ракшаса ошибалась в суждениях, мысли оказались очень ценны. Мара не боялась женщин. Мара умела смотреть им в глаза, умела контролировать дыхание и сердцебиение; каждая женщина в ее глазах – часть земли, почвы, а почва – это и есть Мара. Но зато теперь она знала, сколь важен для Хар-Шалай Миркул, и сколько боли она может принести им обоим, если будет действовать правильно. Но, какой ужасающей не станет та боль, что княгиня севера подарит им двоим, она не будет даже каплей кошмара, в какой погружена она с первого же дня своего похищения.

– Спасибо, Ракшаса, – Мара дрожаще улыбнулась. – Я не хочу тянуть время, это лишь будет нагнетать мой страх. Сообщите слугам, что я готова к церемонии. Мы можем начинать.

Жаркий воздух купальни, насыщенный ароматами сандала и мирры, казался почти осязаемым. Пальцы служанок, ловкие и нежные, словно бабочкины крылья, порхали вокруг Мары. Она стояла, покорно склонив голову, чувствуя, как смываются с её кожи остатки прошлой жизни. Сегодня она – не Мара, княжна севера. Сегодня она – дичь на столе у господ.

Первой нанесли благовония: густое масло из лепестков белой лилии и тонкий, словно дым, ладан. Кожа, разогретая паром, впитывала их ароматы, готовясь к прикосновению металла. Затем, с трепетной осторожностью, начали надевать на нее первый слой: тонкий, шелковистый поддоспешник молочного цвета, облегающий тело, словно вторая кожа.

И вот, наконец, настала очередь золота. С лязгом служанка подняла первую часть облачения – нагрудник. Он, словно лепесток гигантского цветка, выкован из тонкого, но прочного золота. Узор из переплетенных линий с вкраплениями рубинов украшал его поверхность, улавливая свет и искрясь. Теплый металл коснулся кожи. Служанки, словно пчелы, принялись работать: подгонять и скреплять. В конце они туго затянули нагрудник золотыми прочными жгутами, так крепко, что на какое-то время княжна забыла, как дышать.

Такую тонкую талию Дауд мог бы обхватить пальцами. Ее истощенное тело, некогда крепкое и сильное, выглядело насмешливо-хрупко.

За нагрудником последовали наплечники, соединенные тонкими цепями, и наручи, украшенные теснением, изображающем крылатых ящеров. Каждое движение сопровождалось тихим звоном металла, словно хор маленьких золотых колокольчиков. Доспех мешал дышать.

Затем пришел черед поножей, тяжелых и гладких. Они плотно обхватили ноги, оставляя Маре лишь возможность делать маленькие, скользящие шаги. Служанки, работая в полной тишине подводили ее к завершению облачения.

На голову надели золотой шлем с изображением еловых лап, но не особо похожих на настоящие. Им не хватало густоты, пушистости и ощущения прохлады. Ее волосы спрятали под него, заплетя их в слабые растрепанные косы. Шлем легкий, но плотен, словно кокон. Наконец, последней чертой стала маска. Она закрывала лицо полностью, оставляя только прорези для глаз и носа. Маска полностью увита мерцающими красными рубинами, перетекающими друг в друга в утренних солнечных лучах. В зеркале Мара видела не себя, а металлического золотого солдата, изящного, но хрупкого: тронь ее, и она качнется, упадет, разобьется на осколки.

И лучше бы оно было так.

Последний мазок – легкая, полупрозрачная ткань цвета пустынного ночного неба, закрепленная на плечах, талии и бедрах, образующая подобие невесомого платья для металлического тела.

Изваяние из золота и шелка. Безликая, сияющая, непрístupная – Мара больше походила на изваяние искусного мастера, чем на человеческую женщину. Она чувствовала, как тяжесть доспеха давит на плечи, а жар металла проникает в самую глубину костей. Кто она теперь, если не жертва для пустынного солнца-бога?

В этом одеянии ее вели по просторным светло-золотым коридорам. Шлем на ее голове не давал ей толком осмотреться, но она отчетливо слышала металлическое эхо, отзывающееся на ее шаги. Иногда она видела постаменты, колонны и вазы, иногда – каменные огромные двери, которые перед ней отпирали непонятные силы. Кругом пахло сладко, горько, остро, но из звуков слышались только ее шаги и шелестящая поступь многочисленных служанок во главе с Ракшасой. Они вели ее за руки, медленно, но верно приближая к храму Розда.

Он отстроен прямо во дворце. Когда Мара переступила порог, ее дыхание прервалось от внезапно свалившейся на голову тяжести, словно на нее с высоты сбросили валун. Ослепительное белое пространство храма, казалось необъятным. Фрески, яркими пятнами расцветающие на стенах, изображали странные истории. Через щели на маске Мара успела осмотреть одну из них: свернутый в клубок ящер спал на круглом золотом ковре; над ним плясали крошечные фигурки людей.

В центре зала зиял круг колодца, ведущего ввысь, прямо как в крепости-бочке. Он прорезал потолок, открывая взгляду бесконечную синеву небес. Этот колодец был единственным источником света, лучи, падая сверху, преломлялись и играли на стенах, создавая жесткие угловатые тени.

Ее поставили прямо под этот колодец, и она мгновенно ощутила, как на ее голову и плечи обрушился солнечный поток. Северная кровь Мары еще помнила о жарких днях лета и теплых вечерах весны, оттого она сначала ощутила некоторое удовольствие от касаний солнца. Но уже через пару секунд доспех раскалился, золото стало мягче, а кожу неприятно обжигало. И, что хуже, ее облачение продолжало нагреваться. Розд ощупывал ее тело.

Мара заметила, как с другой стороны зала, медленно, с достоинством движется фигура, тоже облаченная в золото. Аккуратная походка, изящные покачивания плечами, тонкие руки, увитые золотыми перчатками, искусно созданная праздничная маска, изображающая идеально ровные черты лица и лучи, исходящие из нее. Он приблизился к ней, встав совсем близко, настолько, что Мара невольно сделала шаг назад. Это мужчина. Невысокий, едва-едва выше нее, похожий на цаплю своими тонкими очертаниями, он, кажется, слегка поклонился ей, но только ей. Его золотой доспех отражал солнце, отчего фигура светилась, а глаза Мары слезились от этого сияния.

Несомненно, это был Хар-Шалай, и выглядел он таким же пленником церемонии, как и она.

Тишина в храме стала почти осязаемой, ее прерывали лишь тихие шорохи ткани и легкий звон металла. Затем, словно разорвав молчание, зазвучали голоса жриц, стоящих вокруг них. Они произносили слова молитвы, на незнакомом, гортанном, нет, не диалекте, языке, напоминающем раскаты грома над лесистым холмом или скатывание курумника. Монотонное звучание начало связывать две их золотых фигуры. Мара ничего не понимала, но ее охватывал странный трепет. Впрочем, скорее, она просто боялась его, жениха, стоящего напротив. А он, что испытывал он? За маской княжна не видела даже цвета его глаз.

Постепенно, с каждой минутой, она начинала ощущать, как солнечные лучи, проникающие через колодец, становятся все более обжигающими. Золотой доспех, окутывающий ее тело, из теплого металла превратился в раскаленную печь. Жар, проникая сквозь щели поддошпешника, жег кожу, словно раскаленное железо. Мара старалась дышать ровно, не поддаваясь панике, но каждая попытка казалась бессмысленной, ибо металл, кажется, поглотил солнечный огонь. Стянутый корсет-нагрудник давил на ребра, и, казалось, ее взволнованное сердце долбит уже не по грудной клетке, а прямо по доспеху. Еще немного, и в тишине храма будет раздаваться эхо ее бьющегося сердца.

Пот обжигал кожу, изрядно высохшую и покрасневшую от путешествия по пустыне. Дыхания не хватало, ее ноги сначала незаметно, но все более явно тряслись. Перед глазами стало темнеть. Молитва жриц не заканчивалась, голоса их гудели равномерным звоном, плотные, почти осязаемые, они кружили вокруг них двоих в этой пустоте, сужая кольцо и как будто делая этот колодец еще жарче. Воздуха совсем не осталось, а темнота перед глазами окончательно подкосила ее ноги.

Сделав жадный глубокий вдох и не ощутив ни капли воздуха, Мара упала. Темнота перед глазами, мягкий удар, усиленные песнопения жриц, не прекративших свое служение. Церемония продолжалась, а Мара повисла на руках своего жениха. Цепляясь ослабевшими пальцами за его наплечники, она постаралась выровняться. Но, даже судорожно и громко дыша, она не чувствовала воздух, лишь соленый жгучий пот щипал ее искусанные губы.

Они смотрели друг на друга маска к маске, и ей казалось, что она почти слышит его размеренное, ровное дыхание. Через прорези для глаз она различила их цвет: карий, но из-за яркого солнечного сияния они казались красными. Кроме цвета не различалось ничего: ни их выражение, ни тон кожи его век, ни даже ресницы, настолько узкими были щели в его маске. Замерев под его взглядом, Мара не сразу поняла, что песнопения прекратились, а ее уже нервным полусшепотом подзывала Ракшаса.

Из последних сил занеся над собой руку, Мара резким движением сдернула с себя маску и сбросила шлем. Они упали на песчаный пол колодца, и она наконец-то сделала тяжелый вдох, принесший ей желанный воздух. Ее волосы распустились и упали вдоль спины, сливаясь цветом с шелковой тканью. Отступила слабость и темнота, и Мара наконец смогла твердо встать на ноги. Хотя Хар-Шалай не торопился выпускать ее из объятий, и какое-то время придерживал за локти, пока она не выпрямит спину.

Встревоженный ропот раздался со стороны служанок. Они не подняли опущенных голов, взгляды устремлены в пол, руки сложены лодочками на животах. Ракшаса, слегка протягивала ей ладонь, подзывая к себе уже более настойчиво.

Не зная, как распрощаться с князем и не имея представления, как вообще должна закончиться церемония, она неловко кивнула ему вместо поклона и убрала прядь волос, которая прилипла к потной щеке.

– Спасибо, – наконец произнесла она на северном. Смотреть ему в глаза было куда проще, чем другим окружающим людям, потому как она не видела ни глаз, ни лица, ни его побужде-

ний. Тут же поняла, что князь, наверняка, не знает ее диалекта и повторила уже на южном: – спасибо.

То ли ей показалось, то ли Хар-Шалай и впрямь ответил ей что-то, а на его скрытом лице появилась полуулыбка.

7. Краснокаменный сад

– Нет, это был прекрасный знак! – не прекращала свои восклицания Ракшаса. – Он подхватил вас! Значит, вы уже ему понравились – вот ведь чудеса!

Зарождалась вторая ночь. Весь прошлый день Мара проспала за плотно задернутыми занавесками. Сквозь беспокойный сон к ней все время приходил Дауд: высокий, плечистый, облаченный в сияющий золотой доспех, он появлялся в солнечном колодце, протягивал ей руку и вместе они проходили через омовение солнцем. В другом сне она оказывалась в ельнике, где снова ее встречал нефилим, но уже в своем привычном одеянии, и вместе они, держась друг друга, прогуливались по мокрой обледелой траве. Кисти Дауда были холодны, и, даже проснувшись, Мара приложила к щеке ладонь. Не осталось ни капли той прохлады – ее кожа оставалась горячей.

– Он ведь не мог дать мне упасть, – задумчиво ответила Мара. На этот раз служанка не мыла ее, а просто протирала влажной тканью в одной руке, и полотенцем, смоченным в смеси ладана и мирры – в другой. Тем не менее, стояла такая духота, что Мара все время обливалась потом.

– Нет, в том-то и дело, что вам нельзя было трогать друг друга, – Ракшаса приподняла руки Мары и стала надевать на нее абсолютно прозрачный тончайший сарафан из красной ткани. Без рукавов и с вырезом на груди, в качестве одежды он выглядело попросту нелепо, потому как не прикрывал ничего. – Некоторые его жены теряли сознание, но ритуал все равно завершают. Это нормально, испытания Розда беспощадны.

– И, что, они просто падали, а он стоял, и смотрел? – Мара не могла вообразить себе такой случай в северной крепости. Дауд... да, что там Дауд: Марк, Сварг, даже Бор и Вагор, будь они неладны, подхватили бы любую падающую женщину. Или дикие южане не знали ничего о вежливости, или Мара еще не скоро сможет до конца понять их привычки.

– Разумеется, – кивнула Ракшаса. Теперь поверх прозрачной ткани она надевала уже более плотную струящуюся юбку такого же красного цвета. – И то, что он нарушил запрет, говорит об особенной связи между вами двумя.

Ракшаса мечтательно вздохнула, и даже ее глаза теперь поблескивали вдохновенным сиянием. Погрузившись в мысли, она одела Мару в багряное узкое струящееся платье с чрезмерно открытой грудью, увесила ее шею тяжелым золотом с рубинами, вплела в волосы драгоценные украшения, подвязав всю длину кольцами для кос. На лоб Мары опустилась легкая звонкая тика, в которой сияли прозрачные, похожие на капельки воды камни. Глядя в зеркало, она понимала, что украшение подобрано ровно под цвет ее глаз.

Но красное платье...

Красный.

Красный ей не к лицу. Он сулил недоброе.

– Можно поменять цвет?

– Цвет? Нет, на свадьбе и жених, и невеста в красном. Алый символизирует согласие Розда, спадание жары, красный камень. У вас такая бледная кожа и румяные щеки, вам очень идет этот цвет.

Румяные щеки – обветренные, сухие и сожженные. Их жгло от слез, жгло от касаний, жгло, жгло. Ее природный румянец остался там, далеко, вместе с северным морозом, вместе со смущением и предвкушением, вместе с воодушевлением, радостью, нежностью. Здесь только ожоги на выпирающих уродливых скулах, да изможденное и отекающее лицо.

Шла вторая ночь, как Мара не покидала стен дворца. Но он, будучи необъятным, колоссальным местом, ощущался как отдельная крепость. На этот раз ее повели по другим коридо-

рам, украшенным рисунками слонов, ящеров, причудливых цветных птиц. Скульптуры белого цвета, произрастающие из стен, изображали людей, мужчин, вооруженных, атлетичных и суровых.

– Это род Шалая, – пояснила Ракшаса, видя, как Мара заглядывается на статуи.

Величественные высокие потолки, открытые полукруглые окна, из которых веяло горячей ночью; расшитые гобелены и каменные сиденья. В этом чистом царстве яркими пятнами стояли Алые стражи, мирно несущие службу в непрекращающихся коридорах. Время от времени появлялись слуги, несущие еду, напитки, одежды, тащащие какие-то сундуки. Все они в причудливых расшитых серебром одеяниях молочного цвета, все босые и с низко склоненными головами. Никто не смел поднять глаза на Мару, не слышалось даже заинтересованного перешептывания у нее за спиной.

Они вошли в просторный зал, который показался пустым без многочисленных фресок на гладких стенах и на потолке, образующем купол. И тут же Мара остолбенела, нос к носу столкнувшись с Миркулом. Мужчина облачен в черное одеяние, прямо как Ракшаса, увитое золотыми нитями. Заложив руки за спину, он первым делом окинул Мару оценивающим взглядом.

– Ты-смирение-буря, – улыбнулся он Ракшасе и проговорил это на южном.

– Нет никакой бури, если отнестись с нежностью и пониманием, – ответила она на северном. Миркула ее язык не порадовал – раздражение он даже не потрудился скрыть, но Ракшаса не боялась его. Напротив, она слегка коснулась ладони Мары. Это должно было стать напоминанием, что Мара в шаге от главенства над Миркулом. Как только брачный союз будет создан, она станет не просто первой женой – она останется и княгиней тоже. Но вот теперь Мара почему-то взглянула на Ракшасу иначе.

Острый сухой профиль, угольно-темная кожа, открытый, почти наивный взгляд, всегда выражающий причудливый полу-восторг. Миркул прав, как всегда, как бы то ни было горько, прав: служанка тут для того, чтобы утихомирить бурю. И Ракшаса справлялась, потому как Мара не противилась ей: она позволяла себя кормить, одевать, погружалась в их верования и ритуалы, и все через нее, Ракшасу. Женщина была либо уж больно добра, либо чрезмерно хитра. И как бы Маре ни хотелось верить в первое, она боялась оказаться наивной и доверчивой снова.

Миркул подал красную повязку. Ракшаса приняла ее и, встав за спиной Мары, принялась завязывать ей глаза. Княжна запаниковала от неожиданности и попыталась отстраниться, но мягкая настойчивость служанки успокаивала даже против ее воли.

– В помещении будете только вы, князь и жрец, – пояснила Ракшаса, аккуратно перевязывая ткань на ее глазах. – Там темно, и вам не нужно видеть мужа до свершения ритуала. Сразу после вас выведут в праздничный зал с гостями, и вы начнете пир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.